

Концепты «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в хорватской и русской языковых картинах мира

Bakula, Marija

Master's thesis / Diplomski rad

2023

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:393697>

Rights / Prava: [In copyright](#)/[Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-07-28**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

***КОНЦЕПТЫ «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» И «ДУША» В ХОРВАТСКОЙ И РУССКОЙ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА***

Studentica: Marija Bakula

Mentorica: doc. dr. sc. Branka Barčot

ak. god.: 2022./2023.

U Zagrebu, rujan 2023.

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

***THE CONCEPTS “BEAR”, “BREAD” AND “SOUL” IN CROATIAN AND RUSSIAN
LINGUISTIC PICTURES OF THE WORLD***

Studentica: Marija Bakula

Mentorica: doc. dr. sc. Branka Barčot

ak. god.: 2022./2023.

U Zagrebu, rujan 2023.

Содержание

1. Введение.....	1
2. Теоретическая основа, методология и предмет исследования.....	3
2.1. Лингвокультурология и ее место в современной лингвистике.....	3
2.2. <i>Концепт</i> и языковая картина мира в лингвокультурологии.....	6
2.3. Методология исследования.....	8
2.4. Почему именно МЕДВЕДЬ, ХЛЕБ и ДУША?.....	11
3. Культурные и лингвистические значения концептов «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в хорватском и русском языках.....	15
3.1. Концепт «МЕДВЕДЬ» в русском и хорватском языках.....	15
3.1.1. Словарные данные и этимология слов <i>медведь</i> и <i>medvjed</i>	15
3.1.2. <i>Медведь</i> в русской и хорватской культурах.....	16
3.1.3. Фразеология и лингвистические исследования о <i>медведе</i>	18
3.2. Концепт «ХЛЕБ» в русском и хорватском языках.....	20
3.2.1. Словарные данные и этимология слов <i>хлеб</i> и <i>kruh</i>	20
3.2.2. <i>Хлеб</i> в русской и хорватской культурах.....	21
3.2.3. Фразеология и лингвистические исследования о <i>хлебе</i>	26
3.3. Концепт «ДУША» в русском и хорватском языках.....	28
3.3.1. Словарные данные и этимология слов <i>душа</i> и <i>duša</i>	28
3.3.2. <i>Душа</i> в русской и хорватской культурах.....	29
3.3.3. Фразеология и лингвистические исследования о <i>душе</i>	34
3.4. Итоги.....	38
4. Концепты «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в хорватской языковой картине мира.....	39
4.1. Создание опроса.....	39
4.2. Результаты проведенного анкетирования.....	42
4.3. Обработка и анализ результатов.....	44
4.3.1. Медведь.....	44
4.3.2. Хлеб.....	46
4.3.3. Душа.....	49
4.4. Итоги опроса и сравнение с данными из «Русского ассоциативного словаря».....	56
5. Заключение.....	64
6. Список литературы.....	68
7. Приложения.....	72
7.1. Приложение А – Анкет.....	72
7.2. Приложение Б — Демографические данные.....	74
7.3. Приложение В — Обработанные результаты.....	75
8. Sažetak.....	85
9. Životopis.....	85

1. Введение

Предметом исследования настоящей дипломной работы являются концепты «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в русском и хорватском языках. Данные концепты интересны, поскольку в своих значениях содержат большое количество символических, метафорических и фразеологических значений, связанных как с общеславянской традиционной культурой, так и с отдельными русской и хорватской культурами. Именно их богатые значения указывают на важность концептов «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в хорватском и русском языках, и поэтому сопоставительный анализ данных концептов из лингвокультурологической перспективы может показаться полезным как на теоретическом, лингвистическом плане, так и в переводческой практике.

Теоретической рамкой данной работы является лингвокультурология — отрасль лингвистики, развитие которой началось в конце XX века в России. Предметом изучения лингвокультурологии является взаимоотношение языка, культуры и человека, благодаря чему исследование из лингвокультурологической перспективы может привести к всеобъемлющему обзору самых разных значений, содержащихся в культурных концептах. При этом, культурный концепт является единицей сознания, состоящей из понятийного, культурного и оценочного смыслов и материально реализующейся с помощью языковых единиц. Данные единицы сознания являются частью языковой картины мира — совокупности языковых и культурных знаний, а также энциклопедических знаний о мире, с помощью которой носители определенного языка и культуры интерпретируют мир вокруг себя.

Главной задачей настоящей работы является вывести все возможные значения интересующих нас концептов и потом сравнить, как они отражаются в двух языках с целью — более четко очертить их языковые картины мира. В целях вычисления всех разных значений концептов «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в русской и хорватской картинах мира, в данной работе используются разные лингвокультурологические методы. Сначала собираются языковые и культурные информации, связанные с выбранными нами культурными концептами, проводится их лингвокультурологический анализ, а потом проверяется присутствие данных значений в сознании носителей хорватского и русского языков. В случае русского языка, чтобы проверить отражение исследуемых нами

концептов в сознании говорящих использованы данные из «Русского ассоциативного словаря» (Караулов, Черкасова, Уфимцева, Сорокин, Тарасова: 2002). Так как аналогичного словаря хорватского языка не существует, чтобы получить сопоставимые данные, в апреле 2023 года проведен опрос носителей хорватского языка. В данном опросе используются ассоциативные методы, а также методы шкалирования, заимствованные из психологии, с целью собрать информацию о значениях данных концептов, отраженных в сознании носителей хорватского языка.

Настоящая работа состоит из несколько частей. В первой части работы описывается ее теоретическая основа. Даются дефиниция, предмет исследования и цели лингвокультурологии, а также описывается ее место в современной лингвистике. Далее, в первой части также даются подробные толкования терминологического аппарата. Особое внимание уделяется взаимоотношению лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, прежде всего в отношении к их предметам изучения и смыслам, в которых в двух отраслях лингвистики употребляются определенные термины. В первой части описываются также и методы, использованные в нашем исследовании. Кроме того, первая часть работы содержит и подробное объяснение важности концептов «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в двух интересующих нас языках.

Во второй части работы перечисляется доступная языковая и культурная информация о выбранных нами концептах, а также дается обзор некоторых лингвистических исследований, темой которых являются *медведь*, *хлеб* и *душа* в хорватском и русском языках. Особенно важное место в данной части работы занимает фразеологический корпус двух языков, в котором хранятся разные культурные значения исследуемых нами концептов. В данной части работы на основе собранных информации и результатов разных исследований дается лингвокультурологический анализ концептов «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША».

Последняя часть работы посвящена ассоциативно-вербальной сети, характерной для носителей хорватского и русского языков. На основе предыдущего лингвокультурологического анализа построен опрос для носителей хорватского языка. В приложениях в конце работы дается полный текст анкеты, а также полные обработанные результаты нашего опроса. Центральной частью данного раздела является анализ собранных реакций носителей хорватского языка, с целью определить, какие из значений,

на которые указывает наш лингвокультурологический анализ, присутствуют в сознании говорящих. Далее, в самом конце настоящей работы результаты нашего анализа сопоставляются с анализом данных из «Русского ассоциативного словаря» (РАС 2002). Таким образом выводятся значения концептов «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША», которые отражаются в сознании говорящих двух интересующих нас языков.

2. Теоретическая основа, методология и предмет исследования

2.1. Лингвокультурология и ее место в современной лингвистике

Во второй половине XX века в изучении языка сложилась новая парадигма — антропоцентрическая. Она ступила на смену двумя предыдущим парадигмам лингвистики XIX и XX вв: сравнительно-исторической и системно-структурной парадигмам. В то время как сравнительно-историческая парадигма основывалась на изучении исторического развития языков, особенно в их сравнении, в центре внимания системно-структурной парадигмы находилось изучение языка как самостоятельной системы. Все-таки, через некоторое время показалось, что в рамках системно-структурной парадигмы трудно ответить на некоторые лингвистические вопросы, поскольку весь фокус был на языке как отдельной, самостоятельной системе, а когнитивный, социальный и культурный аспекты языка были вне центра внимания лингвистов. Во второй половине XX века постепенно формируется новая парадигма — антропоцентрическая. Она основывается на идее о том, что язык неразрывно связан с человеком, так как он формируется именно в уме человека. А ум человека устроен так, что именно человек является мерой всего. Как пишет В.А. Маслова: «С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем» (Маслова 2001: 6). Иными словами, чтобы изучать язык, нужно изучать человеческое сознание (и обратно).

Антропоцентрическая парадигма в лингвистике проявляется более всего в области когнитивной лингвистики. Обычно началом когнитивной лингвистики считается научная работа «Метафоры, которыми мы живем» Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, опубликована в 1980 году. В данной работе представлен новый взгляд на метафоры, на которые больше не смотрится как на «мертвый» язык и риторическую фигуру, а как на основу, на которой строится язык и в которой отражается человеческое мышление.

Концептуальные метафоры, как их понимают Дж. Лакофф и М. Джонсон, основаны на человеческому мышлению, т. е. на том, как человек познает, концептуализирует и категоризирует мир вокруг себя. Одной из главных задач когнитивной лингвистики в ее зачатках считалось исследование универсальности как когнитивных метафор, так и других приемов строения языка. Значит, когнитивная лингвистика основывается на идее, что человеческое мышление является основанием языка, и обратно, что язык является отражением процессов человеческого мышления. Так как мышление, в когнитивистском понимании, основывается на определенных биологических принципах, принципы мышления, сознания, концептуализации и категоризации мира должны быть универсальными.¹

Как пишет Р. Драгичевич, именно в универсальности и специфичности находится разница между когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией (Драгичевич 2015: 4–5). Когнитивистика со своего начала стремилась обнаружить, исследовать и описать то, что является универсальным в человеческих языках. Но, на рубеже тысячелетий возникла потребность обнаружить и исследовать специфическое в каждом национальном языке (там же: 3). Как один из ответов на данную потребность, добавляет Р. Драгичевич, родилась лингвокультурология — часть лингвистики, которая занимается изучением связи между языком и культурой.²

Лингвокультурология, как пишет В.А. Маслова, является самостоятельной лингвистической дисциплиной, которая возникла в России в последнем десятилетии XX века из работы лингвистов, действующих в рамках фразеологической школы, возглавленной В.Н. Телия (Маслова 2001: 9). Предмет изучения лингвокультурологии и

¹ Универсальностью занимался и основоположник генеративной грамматики Ноам Хомский, работа которого находится на грани системно-структурной и антропоцентрической парадигм, так как он занимался структурой языка, но также «вернул» язык в ум человека, т. е. большую важность придавал носителю языка и тому, как носитель воспринимает язык. Именно проблемы, возникавшие в его теориях, были одним из важнейших толчков к развитию нового направления в лингвистике — когнитивной лингвистики (См. книга «The Linguistic Wars» автора Randy Allen Harris).

² Важно сказать, что в рамках когнитивной лингвистики не игнорируется вопрос культуры. Например, уже Дж. Лакофф и М. Джонсон пишут о когнитивной метафоре ВРЕМЯ — ЭТО ДЕНЬГИ следующим образом: «Это не единственный возможный для человека способ концептуализации времени; он связан с нашей культурой. Существуют культуры, в которых время не концептуализируется ни одним из этих способов.» (Лакофф и Джонсон (1980) 2004: 30). Но, хотя в когнитивной лингвистике говорится о культуре как важной составляющей в изучении языка, она не является ее главным предметом изучения, т. е. целью когнитивной лингвистики все еще является изучение универсальных принципов в человеческом мышлении и формировании человеческих языков.

ее место между отраслями науки, изучающими язык и культуру, В.А. Маслова описывает следующим образом:

Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языковедение рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии (там же).

Значит, как пишет В.А. Маслова, объектом лингвокультурологии является изучение взаимодействия трех между собой связанных явлений: языка, который является «транслятор[ом] культурной информации», культуры, созданной человеком, и человека, который «создает эту культуру, пользуясь языком» (там же: 36). Данное взаимодействие изучается на основе предмета исследования лингвокультурологии, а именно на языковых единицах, в которых присутствуют символическое, образно-метафорическое и эталонное значения. Такие языковые единицы, по словам В.А. Масловой, «зафиксированы в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях (поговорках и пословицах) и т. д.», и в них отражается архетипическое и прототипическое человеческое мышление (там же). Иными словами, в центре внимания лингвокультурологии находятся языковые единицы, приобретшие различные символические значения, благодаря своей значимости в определенной культуре.

Языковые единицы с символическими и образно-метафорическими значениями называются *лингвокультуремами*, а именно *лингвокультурема* является основной единицей лингвокультурологии. По словам В.В. Воробьева, «лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком» (Воробьев 2006: 44). Значит, лингвокультурема является более комплексной, межуровневой единицей, которая объединяет в себе языковое и внеязыковое содержания (там же: 45).

2.2. Концепт и языковая картина мира в лингвокультурологии

Лингвокультурема, по словам В.В. Воробьева и Н.Ф. Алефиренко, является основной единицей изучения лингвокультурологии (Воробьев 2006: 44; Алефиренко 2010: 98). Возможны разные структуры лингвокультурем, т. е. лингвокультуремой может стать одна лексема, словосочетание, предложение, абзац и даже целый текст (Воробьев 2006: 53–56).

По словам Р. Драгичевич, лингвокультурема, состоящая из единичного слова, т. е. из одной лексемы, называется культурным концептом (Драгичевич 2015: 6). Значит, *концепт* в лингвокультурологии толкуется как имя абстрактного понятия, в котором культурная информация прикрепляется к понятийному ядру (Маслова 2001: 48), или же как единица сознания, ментальная сущность, в которой отражается «духовность, субъективность, социальность и «личность» носителя того или иного этнокультурного сознания» (Алефиренко 2014: 12). Система таких концептов и символов, т. е. совокупность человеческих знаний о мире, которые сохраняются в языке, называется *языковой картиной мира* (Маслова 2001: 66).

Важно сказать, что понятие *концепт* широко используется во многих научных дисциплинах, а также и в лингвистике. Данное понятие является одним из основных предметов изучения когнитивной лингвистики. По словам Дж. Лакоффа, концепт является единицей разума, познания (Lakoff 2018: 111). Самые важные свойства концепта — воплощенность (имея в виду тот факт, что человеческое познание неразрывно связано с человеческим телом), универсальность, стабильность, внутренняя структура, взаимоотношения между концептами, значительность, и независимость от лексических единиц, которые его обозначают. Кроме того, концепты могут быть конкретными (сенсомоторными) и абстрактными (несенсомоторными) (там же: 111–113). Значит, понятие *концепт* в когнитивной лингвистике обозначает единицу человеческого понимания, у которой есть определенное, единственное значение, и которая в разных языках выражается с помощью разных лексических единиц (слов).

Концептуализация и *концепт* как центральные понятия являются важными как в когнитивной лингвистике, так и в лингвокультурологии. Обе науки понимают концептуализацию как способ понимания и категоризации окружающей среды, который

до некоторой степени является универсальным, т. е. свойственным всем людям. Поэтому, разница между когнитивистским и лингвокультурологическим концептом является искусственной, пишет Р. Драгичевич (Драгичевич 2015: 6). Все-таки, данные отрасли лингвистики изучают разные аспекты концепта как единицы мышления. В то время как когнитивная лингвистика ориентируется на общие и универсальные свойства концептов, а также на концептуализацию как процесс, лингвокультурология направлена на изучение национальной специфики концептов. В области лингвокультурологии самым важным предметом изучения является культурная информация, хранящаяся в концепте. Лингвокультурология занимается культурным концептом, т. е. когнитивным концептом, который реализуется в определенной культуре (там же). Значит, хотя концепты в двух данных отраслях лингвистики являются одним и тем же объектом изучения, лингвокультурология ориентируется на изучение культурного кода, храненного и выражающегося в языке. При этом, важной составляющей культурного концепта является оценочный смысл. Имеется в виду структура культурного концепта, ядро которого называется стереотипом и является оценочно маркированным. Как пишет Алефиренко, *концепт* содержит как обыденно-понятийный смысл, так и оценочные и релятивно-оценочные смыслы, «показывающие отношение человека к познаваемому объекту» (Алефиренко 2010: 155). Значит, в отличие от когнитивистского понимания концепта, в лингвокультурологии структура концепта «включает содержательную и оценочную составляющие как единое синергетическое целое» (там же). В нашей работе понятие *концепт* употребляется в значении культурного концепта как его определяют в лингвокультурологии, т. е. *концепт* считаем единицей сознания, состоящей из понятийного, культурного и оценочного смыслов и материально реализующейся с помощью языковых единиц (слов, фразеологических единиц, текстов и т. п.).

В то время как *культурный концепт* является одной частью определенной культуры и языка, *языковая картина мира* (ЯКМ) содержит в себе всю культурную информацию, которая хранится в данном языке. По словам Н.Ф. Алефиренко, данное понятие, являющееся одним из центральных понятии лингвокультурологии, развилось из понятия *картина мира*, которое впервые употребил Л. Витгенштейн в области философии, а в лингвистику ввел Л. Вайсгербер (там же: 96). Хотя у понятия *картина мира* никогда не было строгого определения, и оно достаточно часто употреблялось в

качестве «научной метафоры», суть значения *картины мира* в том, что она является «обобщенным (итоговым) результатом отражения физической картины мира в коллективном сознании того или иного сообщества» (там же). Можно сказать, что «картина мира — результат переработки информации о среде и человеке» (Маслова 2001: 64).

С другой стороны, в понятии *языковая картина мира* отражается роль языка в человеческом сознании, концептуализации и классификации окружающего мира. По словам Н.Ф. Алефиренко, «языковая картина мира есть воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности» (Алефиренко 2010: 102). Следовательно, языковая картина мира является совокупностью всех языковых средств, с помощью которых носитель определенного языка выражает результаты ментальной переработки окружающего его мира, и в которых, между прочим, отражается культура, присуща данному языку. При этом нужно иметь в виду тот факт, что термин *языковая картина мира*, по словам В.А. Масловой, все таки не относится на какую-то конкретную, неповторимую, неизменяемую картину, совсем отдельную от какой-то «реальной» картины мира, «а лишь [на] специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» (Маслова 2001: 66). Значит, *языковая картина мира* — это смесь языковых и культурных знаний, а также энциклопедических знаний о мире, которая является изменяемой, и с помощью которой носители определенного языка и культуры интерпретируют мир вокруг себя.

2.3. Методология исследования

Как пишет Н.Ф. Алефиренко, поскольку объект лингвокультурологии — взаимоотношение языка и культуры, ее методологические принципы должны быть органической комбинацией «нарративности, художественного мышления и элементов глубокого методологического анализа» (Алефиренко 2010: 28). Соответственно, в лингвокультурологии следует избегать как «строгой научности», так и «полной фантазии» (там же). На практике это означает, что в лингвокультурологических анализах исследователь пользуется словарными и фразеологическими данными, уже собранной

культурной информацией, своими культурными знаниями и интуицией носителя языка, опираясь на традиционные методы гуманитарных наук, а также на методы, возникшие в других отраслях науки, а именно в психологии и психолингвистике. Более конкретно, лингвокультурологическая интерпретация определенного культурного концепта основывается как на словарных толкованиях, фразеологии и корпусах, так и на сознании «усредненного» носителя языка, языковой личности. Особенно важное место в такой интерпретации играет ассоциативный эксперимент — метод исследования, возникший в области психологии в начале XX века, в котором испытуемые на слово-стимул отвечают своей реакцией, что называется *ассоциация*. В психологии понятие *ассоциация* толкуют следующим образом: «возникающая в опыте индивида закономерная связь между двумя содержаниями сознания (ощущениями, представлениями, мыслями, чувствами и т. п.), которая выражается в том, что появление в сознании одного из содержаний влечет за собой и появление другого» (БПС 2003: 38). Ассоциативные связи являются очень важными в языке, поскольку они раскрывают ментальный лексикон носителя языка, т. е. раскрывают, как слова определенного языка связаны между собой.

С развитием антропоцентрической парадигмы в языкознании, ассоциативные методы вошли и в лингвистику, а особенно широко используются в психолингвистике, этнопсихолингвистике, а также и в ассоциативной лексикографии, которая пользуется особенной популярностью в славяноязычных странах. В исследовательской практике, по словам Н.В. Уфимцевой, используется несколько видов ассоциативного эксперимента, согласно целями исследования: свободный, направленный и цепочный ассоциативные эксперименты (Уфимцева 2016: 242). В свободном ассоциативном эксперименте, испытуемым предлагается ответить первым приходящим в голову словом, но никаких других ограничений им не ставятся. С другой стороны, в направленном (или же контролируемом) ассоциативном эксперименте «испытуемым предлагается давать ассоциации определенного грамматического или семантического класса», в то время как в цепочном ассоциативном эксперименте испытуемым предлагается дать все возможные ассоциации в определенный отрезок времени (там же: 243).

Как пишет Н.В. Уфимцева, ассоциативно-вербальная сеть, которая строится с помощью ассоциативных экспериментов в области ассоциативной лексикографии, представляет собой модель языковой картины мира, в которой в самой большой степени

отражается языковое сознание носителя языка, поскольку она не строится искусственно, а «„выводиться“ из материала, в котором имплицитно содержится» (там же: 244). Иными словами, именно в ассоциативно-вербальной сети можно проверить, насколько культурная информация, о которой мы знаем из других источников, присуща «усредненному» носителю данного языка.

Кроме ассоциативного эксперимента, в лингвокультурологии используются и другие методы, заимствованные из психологии, а именно инструменты, которыми психологи пользуются в процессе измерения аттитюда. Речь идет, прежде всего, о шкале Лайкерта — пятопозиционной шкале, позволяющей «оценить выраженность установки, сравнивать установки разных людей по интенсивности» (БПС 2003: 547). Данная шкала используется в исследовании субъективных мнений людей, и поэтому она подходит к лингвистическим экспериментам, направленным на исследование разных аспектов значения определенных лингвистических единиц. Кроме шкалы Лайкерта, большой популярностью в лингвистических исследованиях пользуется метод семантического дифференциала, который особенно подходит к исследованиям, связанным с анализом прагматических и коннотативных значений слов. Метод семантического дифференциала является «комбинацией метода контролируемых ассоциаций и процедур субъективного шкалирования», при чем предмет измерения оценивается по ряду бинарных, градуальных шкал, а полюса таких шкал обычно задаются антонимами (там же: 257).

Конечно, у данных методов есть и недостатки: даже ассоциативные эксперименты и вышеприведенные методы шкалирования не можем считать совсем объективными методами исследования, поскольку собранные данные все таки нужно обработать и интерпретировать. Как пишет Драгичевич, ассоциативные эксперименты в некоторой степени опираются на статистику, т. е. в анализ включаются самые частотные ответы, а в обработке также иногда совсем преобладают субъективные мнения и стереотипы исследователя (Драгичевич 2010: 23). Существуют даже эксперименты, нарочно или случайно установлены так, что их результаты просто подтверждают установку исследователя, а некоторые исследователи могут, нарочно или случайно, отыскать в данных то, чего там не существует (там же). Следовательно, иногда ассоциативно-вербальная сеть, о которой пишет Уфимцева, может показаться и не совсем правдоподобной и объективной, так как ее из собранных данных «выводят» люди, а люди

как таковые не могут быть совсем объективными. Все-таки, важно иметь в виду и предмет изучения, который достаточно ограничивает доступные методы исследования и степень их «объективности». Основывая исследование на достаточном количестве данных, используя несколько различных методов и, в конце, пытаясь отбросить собственные культурные стереотипы и ожидания, а также пытаясь не отыскивать в данных желаемые результаты, исследователь может достичь определенного «гуманитарного» уровня объективности.

Методы, использованные в нашем исследовании включают как традиционные филологические методы (собираение культурной информации, интерпретация словарных данных, краткий обзор и анализ фразеологического корпуса), так и методы, заимствованные из психологии (ассоциативный эксперимент, метод семантического дифференциала, шкала Лайкерта).

2.4. Почему именно МЕДВЕДЬ, ХЛЕБ и ДУША?

Предметом изучения данной работы являются концепты «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША», а их культурные значения рассматриваются в сравнении между двумя славянскими языками и культурами — русской и хорватской. Данные концепты выбраны как самые интересные представители трех категорий, важных в изучении языка, а точнее как представители категорий «животные», «еда» и «соматизмы». Именно эти категории являются важными в концептуализации, поскольку человеку они очень близки, а человек концептуализирует мир таким образом, что более далекие и абстрактные явления растолковывает в сравнении с более близкими и более конкретными явлениями. В следующей части настоящей работы более подробно представлены приведенные категории и их значимость в языке.

С древнейших дней человек неразрывно связан с животными, от которых иногда даже совсем зависело его существование. Он их разводил и их части использовал как еду, одежду и сырье, а животные также служили и как транспортное средство или же как помощь в работе. Животные настолько повлияли на работу человека и раннюю механизацию работы, что даже сегодня единица измерения мощности называется «лошадиной силой». Кроме пользы, животные могли людям приносить и вред, т. е. иногда представляли большую опасность, особенно дикие животные. Благодаря их

значимости в ежедневной жизни человека, животные всегда играли важную роль в мифах и легендах, в древнейших религиях и мифологической культуре. Животные также являются важным мотивом в искусстве, от первых чертежей в палеолитических пещерах, искусства антики и среднего века, до сегодняшних мультфильмов и реклам. Многим научным открытиям способствовали именно животные, например, подопытные кролики. В то время как в сельской культуре главную роль играли домашние животные, в современном городском мире самыми близкими человеческими товарищами являются питомцы — собаки и кошки.

Итак, животные всегда были частью почти всей человеческой деятельности. От них зависело существование и процветание человеческой цивилизации. Исходя из этой древнейшей связи между человеком и животным, не удивляет тот факт, что и в языке роль животных является значимой. Практичные, культурные, мифологические и религиозные значения, которые люди приписывали животным, тем или иным образом отразились и в самом большом хранилище человеческой культуры — в языке. Хотя в большей части сегодняшнего мира в ежедневной жизни средний человек чувствует себя далеким от животных, данная древняя связь и значимость животных все еще сохраняется в языке в виде стереотипов, эталонов, фразеологизмов и пословиц. Одной из самых известных стереотипных ассоциаций, связанных с Россией и русскими, является именно животное, а точнее медведь. В данном случае особенно интересен тот факт, что медведь действительно является важным в самой русской культуре, а в то же время и в других культурах данную культурную важность воспринимают как типично русскую. Благодаря продуктивности медведя как слова-компонента во фразеологизмах, его присутствию в ритуалах, мифах, обрядах, сказках, а в современности и в мультфильмах, рекламах, даже и во сфере нумизматики, данное животное является одним из важных культурных концептов, как в русской, так и в хорватской языковых картинах мира.

Одним из самых важных предметов в человеческой жизни является еда. Причина того совсем понятна: еда — одна из основных физиологических потребностей человека. Долгое время еда занимала абсолютно центральное место во всей человеческой деятельности, а даже и в его воображении и мечте, так как для большинства людей она была труднодобываемой. Имея в виду значимость еды как физиологической потребности человека и тот факт, что она долгое время для большинства людей была предметом

мечты из-за постоянного недоедания, не удивляет тот факт, что ее важность отразилась и в языке. Сверх того, что еда играет важную роль в древних обычаях, мифах и верованиях, она также является важной частью фразеологии. Фразеология определенного языка является особенно интересным предметом изучения лингвокультурологии, поскольку во фразеологизмах сохраняются самые богатые запасы культуры. Как пишет В.Н. Телия, именно фразеологизмы являются лексическими единицами «характерной чертой которых является образно-ситуативная мотивированность, которая напрямую связана с мировидением народа» (Телия 1996: 214). Кроме образной мотивированности, один из главных признаков фразеологизмов — неизменяемость. Значит, именно во фразеологии культурная информация сохраняется самое длительное время.

О значимости еды во фразеологии писали многие авторы, а особенно интересным для нашей работы является статья А. Хрняк о кулинарных элементах в хорватской и русской культурах, в которой утверждается тот факт, что самое большое число кулинарных фразеологизмов русского и хорватского языков содержит слово-компонент *хлеб (kruh)* (Hrnjak 2007: 198). Данный факт не удивителен, поскольку хлеб является одним из самых древних и самых доступных видов пищи и даже может считаться прототипическим представителем семантического поля «еда» (там же). Хлеб как культурный концепт также интересен тем, что в обеих культурах обладает множеством символических значений, в том числе и антонимических: в то же время является символом самого ценного и самого нищего. Так как хлеб обладает богатыми и комплексными символическими и метафорическими значениями, а также является продуктивным словом-компонентом в хорватской и русской фразеологиях, его можно считать важным культурным концептом в анализируемых языках.

Категория соматизмов важна в концептуализации мира, и, следовательно, в языке, потому что именно части тела являются самыми близкими человеку категориями, с помощью которых он может категоризировать и концептуализировать окружающий, более далекий от его понимания мир. Данный факт связан с биологическим устройством человека: как показалось в когнитивистике, науке о сознании и познании человека, ум неразрывно связан с телом, и поэтому человек не может познавать мир без участия своего тела. Данная аксиома когнитивистики подразумевает, между прочим, тот факт, что знание, познание и язык считаются воплощенными, связанными с телом и с физическим

миром. Иными словами, когнитивная лингвистика сопротивляется представлениям Р. Декарта о том, что познание и знание отделены от тела, а также считает так называемый концепт *lived experience* (прожитый опыт) важным в конструкции языка (Rohrer 2007: 29). Данная неразрывная связь ума и тела должна была повлиять на язык. Самыми простыми и очевидными примерами такого влияния снова являются фразеологизмы, поскольку «наибольшей фразеомобразовательной продуктивностью обладают слова-соматизмы, связанные с восприятием мира, его познанием и изменением» (Алефиренко, Семененко 2009: 85).

В данной работе представителем категории соматизмов выбран концепт «ДУША». Душа, конечно, не является соматизмом в прямом смысле этого слова, но, благодаря ее связи с телом в целом, а также с частями тела, например, с сердцем и головой, и душа часто категоризируется именно как соматизм³. Прежде всего данное понятие представляет собой часть мифологического представления мира, а особенно интересным является представление о душе в сопоставлении с телом в целом, или со сердцем как частью тела. Хотя душа не является частью тела в том же смысле, что и голова или рука, ее символическая связь с телом является очень важной в русской культуре, особенно в древнейших мифологических слоях и в народных представлениях о человеке. Народные представления о человеке, т. е. представления о человеке, связанные с наивной картиной мира, до сих пор влияют не только на культуру, но и на другие сферы человеческой деятельности, причем особенно интересным является сопоставление русского (и славянского) представления об устройении человека с англоязычным (см. «Semantics, Culture, and Cognition» А. Вежицкой)⁴. Хотя на первый взгляд может показаться, что русское представление об устройении человека является общеславянским, т. е. что

³ См. например, Пишкова, Елена Юрьевна; Статова, Инна Федоровна. 2017. *К вопросу об изучении фразеологических единиц с соматическим компонентом в лингвистическом, культурологическом и транслатологическом аспектах*. Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). № 3. Ч. 2. С. 140-142. Тамбов: Грамота.

⁴ Одним примером такого влияния можно считать даже отрасли лингвистики, которые развились в русскоязычных и англоязычных странах. Имеется в виду тот факт, что когнитивная лингвистика, развивающаяся прежде всего в англоязычных странах, полностью ориентируется на ум человека, т. е. на англоязычное понятие *mind*. С другой стороны, в русскоязычных странах развивается лингвокультурология, которая также ориентируется на человека и процессы его мышления и сознания, но в центре внимания находятся оценочные и культурные аспекты языка. Можно сказать, что важными становятся категории, которые являются не частью англоязычного концепта «MIND», а русского концепта «ДУША».

концепт «ДУША» во всех славянских культурах обладает теми же культурными значениями, данные предположения стоит поближе проверить.

В следующей части данной работы речь идет о слоях культуры, сохранившихся в концептах «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в русском и хорватском языках, а также и о более подробном обзоре лингвистических и культурологических информации, связанных с анализируемыми нами концептами.

3. Культурные и лингвистические значения концептов «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в хорватском и русском языках

3.1. Концепт «МЕДВЕДЬ» в русском и хорватском языках

3.1.1. Словарные данные и этимология слов *медведь* и *medvjed*

В словаре русского языка *медведь* толкуется как «крупное хищное, всеядное млекопитающее с большим, грузным, покрытым густой шерстью телом и короткими ногами» (грамота.ру). Значимо то, что уже в толковом словаре появляется и культурная информация — медведь толкуется как «традиционный персонаж русского фольклора — обычно простоватый, благодушный, способный помочь в каком-либо деле зверь; реже — злобный, мстительный», а указывается и на антропоморфное переносное значение данного существительного, в отношении к «крупному и сильному, но грузному и неуклюжему человеку» (грамота.ру). В хорватском словаре ситуация похожа: дается толкование данного животного, но в статью включены и два переносных, антропоморфных значения — медведем можно назвать человека грубого, неделикатного поведения или же неуклюжего, грузного человека (Anić 1998).

Значимость медведя как страшного зверя в древнейших слоях славянских культур очевидна и в его названии. Как пишет Т. Ладан, слово *медведь*, которое в народной этимологии славянских языков толкуется как «тот, который есть мед», считается табуированным названием (Ladan 2006: 44–45). Древние славяне употребляли имя «медведь», избегая говорить вслух настоящее имя данного опасного зверя, потому что верили в то, что произнося его настоящее имя, они его призывают (там же). Данным образом также объясняется отсутствие в славянских языках древнего индоевропейского корня **rkthos*, обозначающего медведя, и отразившегося в древнегреческом имени *αρκτος* и латинском *ursus* (Ladan 2006: 45).

3.1.2. Медведь в русской и хорватской культурах

Именно медведь является одним из «основных персонажей народной зоологии» (СДЭС 3: 211). В народной зоологии медведь характеризуется здоровьем, силой, антропоморфными чертами, символикой плодородия и главенствующей роли среди зверей (там же). Считается, что самую яркую роль образ медведя играет в восточнославянских и южнославянских культурах (там же).

Интересно, что в русской культуре уже табуированное имя «медведь» дополнительно табуируется. Русские (даже сегодня, шуточно) называют медведя следующими именами: *он, сам, хозяин, дедушко, овсяник, маська, черный зверь, куцый, мохнач, косматых черт, старый, костоправ, ломака, косолапый, бирюк, сергачский барин* и т. п., а также и личными, человеческими именами: *Миша, Мишук, Михайло Иванович Топтыгин, Потапыч*, причем медведицу называют *Аксинья, Матрёна* (там же: 214). Такое двойное табуирование указывает и на высокую степень важности медведя в русской культуре.

Важность медведя в русской традиционной культуре отражена и в широко известных народных легендах и сказках, в которых говорится о его человеческом происхождении. В нескольких историях происхождение медведя связывается с Божьим наказанием: например, Бог превратил человека в медведя в наказание за убийство родителей, или же за отказ пустить переночевать странника, или же за жажду власти, которая внушала бы людям страх и трепет (там же: 212). Для хорватской народной культуры характерны рассказы о человеке, который рождается из связи женщины с медведем. Такой человек обладает большой силой и является богатырем и героем, который убивает чудовища и защищает людей (Ladan 2006: 47).

Связь медведя с людьми русские видят и в том, что медведь любит мед и водку, а существует и древнее поверье охотников, что собака лает на человека и медведя одинаково, не так, как на других животных (СДЭС 3: 212). Кроме того, для русской народной культуры характерны и поверья о том, что медведи нападают на женщин только для того, чтобы взять их в жены. Интересно и поверье о существовании оборотней-медведей в восточнославянской мифологии. Данное поверье наверное связано с тем, что медведь и волк являются символически связанными, что подтверждается и во фразеологии — медведь и волк появляются как слова-компоненты в

вариантах тех же фразеологизмов, например: «работа не волк <медведь>, в лес не убежит».

В русской традиции существуют рассказы об обращении участников свадьбы в медведей (там же: 213). Данные рассказы связаны с символикой плодородия и брачной символикой медведя, которая особенно выражена у восточных славян. Кроме в свадебном обряде, такая символика проявляется в разных магических обрядах, связанных с любовью и с лечением бесплодия и т. п. (там же: 212–213).

Символика медведя, связанная с здоровьем и силой более всего выражается в лечебных обрядах, в которых используется, например, медвежья шкура, в которую окутывают больного. Кроме того, существовали верования о том, что череп медведя защищает скот (там же: 214). И в хорватской народной культуре медведь является символом силы и дикости (Ladan 2006: 47). С другой стороны, существует и противоположное представление о медведе: медведь часто считается неуклюжим и глуповатым, в то время как он на самом деле является умным и очень даже подвижным (там же: 43). В хорватской культуре с медведем связываются и некоторые названия, например *Medvedgrad*, либо *Medvednica*⁵ (там же: 44–45).

В современной культуре значимость медведя отражается особенно в разных продуктах (например, «Мишка косолапый», «Čokolino»), рекламах («Medo Štedo»), мультфильмах («Маша и медведь», «Leteći medvjedići»), а даже и в нумизматике (медведь находится на монете 5 хорватских кун). В Хорватии медведь является и маскотом хоккейного клуба «Medveščak», названного в честь речки, которая текла через древний город Загреб и название которой этимологически связано с медведем. Хоккеистов данного клуба также ласкательно называют «Медведями». Даже первые игрушки уже многих поколений современных хорватов (и русских) именно — плюшевые мишки.

В русской современной культуре, как пишет Ю.Р. Романова, образ медведя можно встретить как на конфетах, так и в символике политических партий, а также и в геральдике разных российских городов (Романова 2018). Касательно геральдики, ни на одном из семи гербов российских городов, на которых находится медведь, он не

⁵ *Medvedgrad*: букв. «Медвежий город» — название средневековой крепости недалеко Загреба, сегодня название известной пивоварни; *Medvednica* — название горы, на которой находится данная крепость

изображен как «агрессивный зверь», потому что «символизирует хранителя спокойствия и природное богатство городов» (там же). Данная символика связывается с представлением о медведе как хранителе России. Важно напомнить и о том, что уподобление России с медведем является прежде всего «иностранным вымыслом» (там же). Значит, хотя медведь в русской культуре занимает почетное место, для русских медведь не является символом всей страны, олицетворением России как государства. Россию с медведем уподобляют иностранные, прежде всего западные культуры. Как пишут Л.Ф. Махмутова и Н.В. Ушакова, на Западе медведь считается символом России уже с XVI века, а особенную популярность «русский медведь» постиг благодаря разным карикатурам, как старым, так и более современным (Махмутова и Ушакова 2012: 110–111). В современности популярность «русскому медведю» вернула карикатура президента России В.В. Путина в образе медведя, которая заняла первое место на конкурсе *World Press Cartoon* в 2007 г (там же). Что касается внутренней политики, пишут Л.Ф. Махмутова и Н.В. Ушакова, «медведь стал эмблемой движения „Единство“, а вслед за этим – партии „Единая Россия“» как символ «подлинной русскости», русской идентичности (там же: 112). Медведь как эмблема политической партии выступает в значении подлинно русской национальной культуры, но также и как символ силы и мощи. Данная символика напрямую связана с древнейшими верованиями и мифологическим пониманием мира древних русских. Такое употребление медведя в символические и политические цели указывает на то, что в коллективной памяти народа все еще сохраняются древние народные представления о данном животном.

3.1.3. Фразеология и лингвистические исследования о медведе

Культурные значения *медведя*, сохранившиеся до сих пор, более всего отражаются во фразеологических картинах мира (ФКМ) двух рассматриваемых языков. Так как представления о медведе в хорватской и русской культурах достаточно похожи, во фразеологии двух языков присутствуют некоторые соответствия. Так например, в обоих языках присутствует фразеологизм того же содержания и формы: *медвежья услуга* и *medvjeda usluga*. В «Большом фразеологическом словаре» под редакцией В.Н. Телия, данная фразеологическая единица (ФЕ) объясняется следующим образом: так как медведь является тотемным животным, связанным в представлении русских с дикостью и пространством, противопоставленным пространству человеческого жилья, в зооморфном

коде культуры он символически связывается с представлениями о дикости, неуклюжести и грубости (Телия 2009: 376). В данной ФЕ отразилось именно представление о медведе, связанно с неуклюжестью. То же самое можно сказать и о хорватской версии данной ФЕ.

Во фразеологии русского языка появляется еще несколько ФЕ с составляющей *медведь*, например: *медведь на ухо наступил* кому, или же *медвежий угол*. Образы данных ФЕ объясняются таким же способом, что и ФЕ *медвежья услуга*: они связаны с представлениями о медведе как о неуклюжем обитателе далеких от людей пространств. С другой стороны, в хорватском языке присутствуют ФЕ, которые невозможно совсем объяснить культурным значением медведя как тотемного животного и символа дикости. Более конкретно, речь идет о следующих ФЕ, с общей составляющей *zaštićen* (букв. защищенный): *zaštićen kao medvjed <na Plitvicama>*, *zaštićen kao mrki (Lički) medvjed*, и *zaštićen kao medvjed u brlogu*⁶ (RHAФ 2017: 109–110). Образ последней ФЕ можно объяснить энциклопедическими знаниями человека об образе жизни медведя. Остальные наверное более крепко связаны с жизнью человека — поскольку медведь в современности находится под угрозой истребления, его защищает хорватский Закон об охоте⁷. Несмотря на его статус в современности, в ЯКМ сохранилось представление о медведе как об опасном животном. Эти два представления о медведе в современном языке привели до появления данных ФЕ. Они употребляются по отношению к людям и выражают иронию, а означают то, что кого-то невозможно привести к ответственности, несмотря на то, что он сделал или может сделать.

Касательно лингвокультурологических исследований о медведе, самым интересным для нашей работы является сопоставительное исследование Б. Барчот о фразеологических единицах с дикими животными в качестве слов-компонентов в хорватском, русском и немецком языках (Barčot 2017). Помимо того, что ассоциативный опрос, проведенный в составе данного исследования доказал, что вышеприведенные фразеологические единицы зафиксированы в сознании носителей хорватского языка, анализом статьи из «Русского ассоциативного словаря» то же самое доказано и в случае носителей русского языка и ФЕ русского языка. Результаты этого ассоциативного

⁶ Буквальные переводы ФЕ: *защищен, как медведь <на Плитвицких озерах>*; *защищен, как бурый (ликский) медведь* (ликский: из Лики, причем Лика – горный регион Хорватии, ареал проживания медведя); *защищен, как медведь в берлоге*.

⁷ Zakon о lovstvu, Narodne novine br. 99/2018, 32/2019, 32/2020. Режим доступа: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2018_11_99_1913.html

эксперимента раскрывают интересную картину разных культурных значений, связанных с медведем, и хранящихся в сознании носителей хорватского языка. Так, например, анализируя реакции носителей хорватского языка на слово-стимул *medvjed*, раскрываем, между прочим, следующие культурные значения: медведь как символ силы и смелости (*snaga, jakost, hrabrost, neustrašivost*), медведь как символ безопасности и защиты (*zaštitnik*)⁸, медведь в именах, прецедентных текстах и символах (*Brundo*⁹, *Winnie Pooh* (*Винни Пух*), *čokolino, Štedo, Medvedgrad, Medvednica, Macola*¹⁰ и др.) (Bačot 2017: 129–131). Большое количество таких, хотя и единичных реакций, указывает на реальное присутствие данных культурных значений в сознании носителей хорватского языка.

Среди реакций носителей хорватского языка появляется и представление о медведе как об игрушке (плюшевой мишке), что является интересным, поскольку такие представления совсем противоположны древним представлениям об опасном медведе, и связывают его с теплотой и мягкостью. Данные более современные представления о медведе наверное появились под влиянием многочисленных мультфильмов, в которых медведи выступают либо как симпатичные помощники главных героев — людей (например, медведь Балу из мультфильма «Книга джунглей»), либо как главные герои (например, Винни Пух, герои американского мультсериала «Заботливые мишки», или же герои хорватского мультфильма «*Leteći medvjedići*»). Хотя представления о медведе как об опасном животном, по результатам данного исследования, все еще являются более распространенными в сознании носителей хорватского языка, появление этого, сравнительно нового представления о медведе как о симпатичном и мягком друге детей заслуживает внимание.

3.2. Концепт «ХЛЕБ» в русском и хорватском языках

3.2.1. Словарные данные и этимология слов *хлеб* и *kruh*

В толковых словарях русского языка к слову *хлеб* приводится семь значений, причем первые два значения относятся к хлебу как пищевому продукту (выпечка, тесто), а третье и четвертое значения относятся к зерну, из которого приготавливается мука, и к самому растению. Последние три значения — переносные, и относятся к хлебу как

⁸ Букв.: *сила, мощность, смелость, неустрашимость; защитник.*

⁹ *Брундо*: имя героя аллегорического эпоса «*Medvjed Brundo*» хорватского писателя Владимира Назора.

¹⁰ *Мацола*: название известной гостиницы в Лике, в которой находятся чучела диких животных, между прочим и медведей.

метонимическому представлению о пропитании, к метонимическому представлению о средствах, необходимых для существования, а также и к хлебу как метафоре самого важного и необходимого для существования (грамота.ру).

С другой стороны, в толковом словаре хорватского языка к слову *kruh* приводятся три значения: прямое значение — пищевой продукт, выпекаемый из муки, и два переносных значения — хлеб как метонимическое представление о пище, пропитании вообще, и хлеб как средство к существованию (Anić 1998). Несмотря на то, что в толковом словаре не зафиксированы все переносные и символические значения слова *kruh*, об их присутствии в хорватском языке пишет Т. Ладан, добавляя еще и следующие значения: хлеб как духовная пища, хлеб как причастие, а также хлеб как небесная пища (Ladan 2006: 630).

В сравнении двух рассматриваемых языков, генетически близких, вполне интересным является и тот факт, что у слов, обозначающих данный продукт питания, разное происхождение. В то время как слово *kruh* является древним праславянским и общеславянским словом (стрсл. *krouhъ*), связанным с словом *krhak* (букв. *хрункий*) и *kršiti* (букв. *ломать*), слово *хлеб* является праславянским германизмом (**xlebrъ*) (Ladan 2006: 637; СДЭС 5: 413).

3.2.2. Хлеб в русской и хорватской культурах

Как во многих мировых культурах, так и в хорватской и русской, хлеб является основным видом пищи. Существуют разные виды хлеба, а разные народы в разные времена пекли самые различные хлебы из самых различных ингредиентов. Краткую историю хлеба в своей книге «Etymologicon» дает Т. Ладан (Ladan 2006: 627–630). Он пишет о том, что происхождение хлеба не совсем ясно, т. е. мы до сих пор не знаем, когда первые люди начали собирать зерна разных трав, молотить их, замешивать тесто из муки и воды и данное тесто печь (скорее всего, на камнях, согретых огнем). Говорится, что уже пещерные жители сегодняшней Испании пекли и ели хлеб, а самыми известными древними пекарями считаются жители древнего Египта и Рима. В Египте люди впервые в тесто добавили дрожжи, благодаря которыми хлеб стал мягким и легким, и пекли его в закрытых печах. До этого, люди пекли хлеб без дрожжей, и он был тонким и очень твердым. Именно египетский хлеб — самый похожий из древних хлебов на то, что современные люди понимают под данным названием. В древнем Риме хлеб занимал

почетное место, и много религиозных обрядов было связано именно с зерном и с хлебом (там же: 630).

Как и в древнеримской традиции, и в хорватской и русской культурах у хлеба богатое символическое и мифологическое значение. В традиционной общеславянской культуре именно о хлебе говорится, что он — «высшая жизненная ценность, „дар Божий“, главный ресурс жизни, символ достатка, благоденствия, здоровья и плодородия» (СДЭС 5: 412). Хлеб в то же время является «повседневной и обрядовой реальией», что видимо и в том, что обращение с хлебом «в высшей степени ритуализовано и подчинено множеству предписаний и запретов» (там же). Далее, хлеб является и «объект[ом] почитания и сакрализации; средство[ом] общения людей между собой и живых с умершими; магическ[им] средств[ом]» (там же). Именно хлеб считается прототипической пищей, представителем семантического поля «пища».

На статус хлеба в традиционной русской и хорватской культурах несомненно повлияло и христианство, в котором хлеб является символом самого ценного, даже символом самого Бога. Христианское понимание хлеба вошло в хорватскую и русскую традиционные культуры посредством библейских цитат, например: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день» (Матфея 6:11); «Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира.» (Иоанна 6:51). И в данных цитатах сразу видно символическое значение хлеба, который представляет собой не только повседневную реальию, но и духовную ценность, связь с трансцендентным миром.

В христианстве хлеб является одним из самых важных символов, но в православной и римско-католической отраслях христианства, на почве которых строятся обе культуры, хлебу присущи и дополнительные значения. Самой важной частью литургии как в Русской православной церкви, так и в Римско-католической церкви является пресуществление хлеба, т. е. «изменение Божественной властью субстанции хлеба и вина во время освящения в субстанцию тела и крови Иисуса Христа, который всегда присутствует в видах причащения», а причащение в обоих церковных традициях считается самым высоким видом общения с Богом (Ковшова 2008: 167). Ковшова цитирует Фрейденберга, который утверждает, что «архаическое осмысление еды, восходящее еще к тотемизму, лучше всего сохранилось в религиозном обряде,

называемом литургией» (там же). Иными словами, и христианское представление о хлебе как о даре Божьем наверно также восходит к древним языческим представлениям о ценности хлеба, но уже с новыми слоями значения. Значит, в русской и хорватской традиционных культурах присутствуют обычаи, обряды и ритуалы, в которых отражаются древнейшие языческие и мифические представления о хлебе, на которые повлияли и «официальные» христианские символические значения хлеба. Наверное, именно по этой причине особые магические свойства во всех славянских культурах придавались освященному хлебу (СДЭС 5: 416).

Символические значения хлеба как «повседневной» и «обрядовой» реалии, а также как ритуализированного, магического объекта прежде всего очевидны в разных обычаях, запретах и обрядах. Даже самое выпекание хлеба считалось в общеславянской традиционной культуре таинственным и сакральным действием, которое уподоблялось рождению, поскольку хлеб, как и живые существа, поднимается и растет. Символическая связь с рождением связывает хлеб с женщиной, и поэтому выпекание хлеба в традиционной культуре — «сугубо женское дело» (там же: 413). Поскольку выпекание хлеба является сакральным действием, «у всех славян к женщине, пекущей хлеб, предъявляются требования ритуальной чистоты, т. е. запрещается месить хлеб во время месячных, беременной или недавно родившей женщине» (там же). Кроме того, умение печь хлеб считалось самым важным навыком хозяйки, и поэтому девушки, которые хотели выйти замуж, должны были уметь печь хлеб.

Как мистическое и сакральное действие, выпекание хлеба ограничивалось на определенные временные сроки. Хлеб обычно пекли раз в неделю, а время выпечки (календарное, лунное, недельное, суточное) было строго определено, и считалось «важным условием успеха каждой выпечки, но и общего благополучия дома и всего социума» (там же). Символическое осмысление процесса выпекания хлеба в традиционной культуре состоит из двух частей: «сажание хлеба в печь осмысливалось, с одной стороны как отправление его в иной мир, а с другой — как символический коитус» (там же: 414). Иначе говоря, печь символически осмысливалась как путь на «тот свет» и как живот женщины, а в обоих значениях ожидался один и тот же эффект плодородия. Чтобы данный сакральный процесс оказался успешным, во время выпечки хлеба

соблюдались разные запреты и предосторожности, характерны для каждой из традиционных славянских культур (там же).

Из данного сакрального процесса добывался как обрядовый, так и повседневный хлеб. В крестьянской традиционной культуре с особым почтением обращались не только с обрядовым, но и с обычным, повседневным хлебом. Так, например, у восточных славян хлеб по своей важности приравнивался к иконе, и существовал запрет браниться при хлебе (там же: 415). Хлеб, покрытый белым полотенцем, был должен всегда лежать на столе, как и соль, а во всех славянских культурах хлеб обязательно лежал на нижней корке (там же). Хотя в обрядовых действиях славяне должны были ломать хлеб руками, в быту было принято резать хлеб ножом. Некоторые общеславянские запреты и обычаи, связанные с хлебом в повседневной жизни включают, например запрет начинать новую буханку вечером, запрет брать хлеб неумытым, запрет передавать хлеб через порог, запрет бросать хлеб на землю или в огонь (там же). Если кусок хлеба упал на пол, то человек должен был его поднять, поцеловать и попросить у него прощения, а если кусок хлеба нашел где-то, то человек должен был его поднять, поцеловать и отдать животному (там же: 415–416). Далее, у всех славян принято каждому пришедшему в дом человеку, в том числе и нищему, предложить кусок хлеба (там же: 416).

Как обрядовая реалья, хлеб использовался в самых разных обрядовых действиях. В такой функции употребляли как обычный, повседневный хлеб, так и специально приготовленные обрядовые хлебы. Обрядовые хлебы могли отличаться от обычного своим составом (лучшие сорта муки, разные добавки), особой «магической» формой (плетенки, фигурные хлебы, хлебы, украшенные яйцами...), размером (крупные хлебы, маленькие хлебы), числом (например, приготовление хлебов по числу членов семьи или участников обряда), а также способом употребления и ритуальными действиями (там же). Обрядовые хлебы обычно были предназначены мифологическому или реальному лицу: Богу, Богородице, святым, а также разным участникам обряда — невесте, детям, нищим и т. д. (там же). Магических свойств хлеба добывались соблюдением особых правил о том, кто его приготовил (например, девушка, у которой родители живы), когда его приготовил (например, в полнолуние или новолуние, на праздничные дни), и как его приготовил (например, из муки, собранной из трех или девяти домов, на воде, собранной из нескольких источников...). Кроме обычных ингредиентов, в магические цели

замешивали и хлеб на грудном молоке, слюне, крови и т. д., а в тесто могли добавлять и шерсть животных, волосы, пепел и т. д. (там же: 416–417). Особыми видами ритуальных хлебов являются пасхальный, рождественский, поминальный и свадебный хлебы в разных формах. Так, например, на западе Балкан, в том числе и в хорватской культуре, пекут «круглые пасхальные хлебы, лепешки и хлебы с запеченными в них яйцами», а в русской культуре самый известный вид пасхального хлеба называется *кулич* (там же: 422).

Ритуальные действия, в которых использовался хлеб, включают ритуалы, связаны с плодородием и с жизненным циклом, а также и народную медицину и гадания. Так, например, перед первым выгоном все славяне кормили скот хлебом и дарили хлеб пастухам, а восточные славяне весной устраивали походы посевов, в которых носили хлеб, чтобы урожай был обильным (там же: 417). Аналогичным обычаем в хорватской культуре можно считать обычай выносить в поля и огороды крошки освещенного пасхального хлеба, также с целью получить большой урожай (Pintarić 2009: 216). Хлеб употреблялся и в обрядах жизненного цикла, например, именно хлеб был важнейшей частью даров, которые приносили новорожденному ребенку. Интересно и то, что ребенку давали кусок ритуального хлеба, чтобы он быстрее начал говорить (СДЭС 5: 418).

Важнейшей ритуальной функцией хлеба можно считать социализирующую и социально-регулирующую функции. Имеется в виду тот факт, что с помощью ритуалов деления и совместного поедания хлеба, актов угощения, дарения, жертвования хлеба, обмена хлебом, и символического распределения благ между живыми и мертвыми постигались цели организации общества, чувства связи между членами одной социальной среды (там же). Особым примером такого употребления хлеба является и общеславянский обычай угощения друзей хлебом и солью, которые в языческой культуре «имели магическую реальность» (Ковшова 2008: 170).

Кроме в данных обрядах, хлеб применялся и в народной медицине, а для лечения могли как печь отдельный хлеб, так и использовать мякиш обычного хлеба, или же использовать кусок обрядового хлеба, который до этого высушили и специально хранили именно для лечения (СДЭС 5: 419). Также, все славяне использовали хлеб в целях гадания. У русских, например, использовали хлеб, когда выбирали правильное место для строения дома. На месте, где хотели построить дом, русские спускали из-за пазухи на землю три хлеба, и если все три падали коркой вверх, значит, место подходящее, если

только два — дом ставить можно, если же один или ни одного, дом на этом месте не строили (там же). Хлеб употребляли и в матримониальных гаданиях и гаданиях об урожае (там же).

В традиционной культуре восточных славян хлеб играет важную роль и в разных фольклорных жанрах, как, например, былички, сказки, песни, загадки и т. п., в которых широко используется мотив «мучений хлеба». Особенно интересным является тот факт, что тексты с этим мотивом нередко наделяются магической способностью противодействовать нечистой силе, в чем также отражены магические свойства хлеба (там же: 420).

В современности в некоторой степени сохранилось сакральное значение хлеба как в русской, так и в хорватской культуре. Например, и в сегодняшние дни люди пекут пасхальные хлебы, или покупают их в магазинах. Интересным является и своего рода праздничный обряд, который сохранился в хорватских школах и детских садах, под названием «Dani kruha i zahvalnosti za plodove zemlje» (букв. «Дни хлеба и благодарности за плоды земли»). Данный праздник отмечается в октябре, обычно на «Всемирный день продовольствия» (16 октября), и является своего рода остатком жатвенных ритуалов. На этот день дети приносят в школу разные хлебные продукты, угощают друг друга, участвуют в выступлениях, рисуют и пишут рассказы и песни по этому поводу и т. п., а иногда в празднике участвует и священник, который освящает хлебы, принесенные детям. В данном празднике сохраняется традиционное представление о хлебе как сакральной реалии и как представителе всего семантического поля «еда».

3.2.3. Фразеология и лингвистические исследования о хлебе

Важность хлеба в традиционной славянской культуре особенно очевидна как в вышеприведенных обычаях и ритуалах, связанных с хлебом, так и во всех символических и сакральных значениях хлеба, характерных для традиционной крестьянской культуры. Данную сакрализацию этой повседневной реалии можно объяснить следующим образом: хлеб являлся видом трудно добываемой пищи, и поэтому «был переосмыслен в категориях ценности, что сделало хлеб наиболее почитаемым видом пищи; обусловило вовлечение хлеба в процесс его одухотворения и сакрализации» (Ковшова 2008: 166). Значит, именно тот факт, что хлеб был продуктом тяжелой и длительной работы и

является причиной его сакрального статуса. Однако, как утверждает Ковшова, «одна и та же реальность в культуре может символизировать полярные смыслы» (там же: 170). Так как хлеб является основным, самым дешевым продуктом питания, одно из его культурных значений — нищета. Значит, хлеб — самое минимальное и необходимое, без чего невозможно жить, но если он единственное, что у кого-то есть, то выжить все таки трудно. Иными словами, хлеб в то же время выступает и как символ самого ценного, и как символ самого минимального, т. е. как символ нищеты.

Символика хлеба особенно ярко отражается во фразеологии. И в хорватском и в русском языках существуют ФЕ, в которых хлеб воспринимается как большая ценность, например: *dobar kao kruh*¹¹ и *хлеб насыщенный*. Но, количество ФЕ, в которых хлеб выступает в значении чего-то нищего, самого минимального гораздо больше в обоих языках, например: *živjeti na (o) kruhu i vodi*¹² и *сидеть на хлебе и воде*, обе ФЕ в значении 'жить впроголодь'. В данных примерах отражаются полярные смыслы символики хлеба в двух культурах. Хотя сакральное значение хлеба, характерно для древней крестьянской культуры, в некоторой степени сохранилось во фразеологиях русского и хорватского языков, все-таки более широко представлено антонимическое символическое значение, характерно для более современных слоев городской культуры.

Кроме предыдущих двух значений, во фразеологии отразились и другие культурные значения хлеба. Большая группа ФЕ в обоих языках относится к метонимическому значению хлеба как работы, способа обрести средства к существованию, например: *imati kruh u rukama* и *ići trbuhom za kruhom*,¹³ а также *зарабатывать/заработать <свой> хлеб* и *есть чужой хлеб*¹⁴. Также, в обоих языках присутствуют ФЕ, в которых иронически переосмыслено значение хлеба, например: *tražiti kruha preko (iznad) pogače (nad pogačom)*¹⁵ и *хлебом не корми*¹⁶. В русском языке присутствуют ФЕ, в которых хлеб выступает в значении гостеприимства, например

¹¹ Букв.: *хороший, как хлеб*.

¹² Букв.: *жить на хлебе и воде*.

¹³ Букв.: *иметь хлеб в руках*; 'иметь квалификации, чтобы получить работу и стать материально независимым' и *идти животом за хлебом*; 'быть вынужденным покинуть родной край, чтобы получить работу; по необходимости отправиться за рубеж'

¹⁴ В значении 'добывать своим трудом средства для существования' и 'жить за чужой счет, не работать'.

¹⁵ Букв. *искать хлеба вместо лепешки*; 'быть нескромным'.

¹⁶ В значении 'совсем ничего не надо тому, кто любой ценой, любыми средствами хочет получить желаемое'.

водить хлеб-соль с кем¹⁷, в то время как в хорватском языке существуют ФЕ, в которых хлеб метонимически означает жизнь, например *kruh bez motike*¹⁸.

Богатая фразеология с множеством разных, даже противоположных значений указывает на то, что «ХЛЕБ» является важным культурным концептом в русском и хорватском языках. Касательно русского языка, данный довод подтверждает исследование Ковшовой, которая провела лингвокультурологический анализ слова-символа *хлеб* в русском языке на основе культурологических данных, литературных цитат и ФЕ, с словом-компонентом *хлеб* (Ковшова 2010). В данном исследовании Ковшова пришла к выводу, что значения хлеба в русской культуре многочисленны, даже противоположны, а в конце статьи свои доводы, которые последуют из ее лингвокультурологического анализа, подтвердила данными из ассоциативного словаря. Эти данные показали, «что духовное осмысление хлеба живо для носителя языка, что восприятие сказанного в обыденной речи осуществляется „с подключением“ культурных смыслов, усложняющих, углубляющих содержание сказанного.» (Ковшова 2010: 173). Цель настоящей работы — провести аналогичную проверку исследуемых нами концептов с помощью данных, полученных от носителей хорватского языка.

3.3. Концепт «ДУША» в русском и хорватском языках

3.3.1. Словарные данные и этимология слов *душа* и *duša*

У лексемы *душа* в русском языке есть несколько толкований: душа толкуется как «духовная сущность человека, особая нематериальная бессмертная сила, обитающая в теле человека (иногда животных, растений), покидающая его во время смерти, сна и вновь проявляющаяся после смерти в иной материальной оболочке», но также как «внутренний мир человека, мир его чувств, переживаний, настроений и т. п.» и «совокупность характерных свойств, черт, присущих личности». Душой называется и «воодушевление, страстность, темперамент» и «душевность, сердечность», а в еще более метафорическом значении *душа* обозначает главное лицо или организатора чего-либо, или же суть, основу чего-либо. Как ласкательное название, душа употребляется по отношению к человеку, который является всеобщим любимцем. Данное название также употребляется как обозначение человека вообще (при указании количества). В прошлом

¹⁷ В значении 'быть в дружеских отношениях с кем-н.'

¹⁸ Букв. *хлеб без мотыги*; 'жизнь без тяжелой работы, беззаботная жизнь'.

лексема *душа* употреблялась в отношении крепостных крестьян (см. роман Н.В. Гоголя «Мертвые души»). В разговорном языке словосочетание *душа моя* употребляется как дружеское, фамильярное обращение. В народном и разговорном языке, душой называется и часть человеческого тела «впадина под рёбрами в центре груди» (грамота.ру).

В толковом словаре хорватского языка *душа* толкуется как нематериальный принцип человеческой жизни (в оппозиции к телу), в религиозном смысле, а также как совокупность чувств, сознания и черт характера человека. Приводится и историческое метонимическое значение, где словом *душа* обозначался человек, особенно в контексте исчисления населения (Anić 1998). Хотя в толковом словаре такое значение не приводится, и в хорватском языке слово *duša* в звательном падеже употребляется в качестве ласкательного, фамильярного обращения к любимым людям. По словам Т. Ладана, слово *duša* в хорватском языке может обозначать и сердце (как центр жизни в народном представлении), мыслящее существо (как оппозицию телу), сознание и совесть, справедливость и добросовестность человека, самое ценное, что у человека есть, самое глубокое и скрытое место во внутреннем мире человека, человека вообще, природу человека или животного, одного человека как часть какого-то населения, а также что-то, что приносит человеку удовольствие (Ladan 2006: 775–776). Значит, слово *душа* в обоих языках обладает несколькими значениями.

Душа является всеславянским и праславянским словом, а его этимология связана с словами, обозначающими дыхание (например, *dah*, *дышать*, *выдох*, *издохнуть*...), что также связывает душу как с жизни, так и со смертью (там же: 777). Значит, уже в своей этимологии слово *душа* указывает на традиционные верования славян о том, как устроен человек.

3.3.2. Душа в русской и хорватской культурах

Душа как понятие неразрывно связана с философией и религией. О душе писали многие философы, в том числе Аристотель, Пифагор, Р. Декарт, Г. Лейбниц, А. Шопенгауэр и другие, а вопрос отношения души и тела до сих пор остается одной из ключевых тем современных философии и психологии. С другой стороны, существуют и религиозные представления о душе. Так, например, в христианстве душа считается нематериальной и бессмертной субстанцией человека, которая после смерти тела

отправляется на «тот мир», в то время как в определенных других религиях душа как бессмертная субстанция после смерти тела «поселяется» в другие существа (животные, растения, людей), а даже во вещи. На русскую и хорватскую языковые картины мира повлияли христианские представления о душе, причем на русскую — православное христианство, в котором особое внимание уделяется борьбе души с желаниями тела, а на хорватскую — римско-католическое, в котором более широко принимается представление Аврелия Августина, отвергающего идею о теле как о тюрьме для души, настаивая на том, что душа и тело — одно единство. Все-таки, когда речь идет о языковых картинах мира, на концепт «ДУША» в хорватском и русском языках достаточно сильно повлияли традиционные народные представления о душе как части человека и мира.

Итак, в традиционной народной общеславянской культуре «ДУША — главное понятие народной антропологии, бессмертная субстанция жизни, заключенная в теле человека и покидающая его в момент смерти» (СДЭС 2: 162). Душой обладает только человек, иногда только христианин, реже животное, а очень редко растение. Верования о душе связаны с народной демонологией, представлениями о смерти, посмертном существовании и загробном мире. В народных представлениях о душе присутствуют отголоски христианской концепции души, «исходящей не из биннома „тело — душа“, а из триады „тело (сома) — душа (психэ) — дух (пнеума)“» (там же).

В народной общеславянской традиции считается, что у души — три стадии существования. Первая стадия относится к душе живого человека, пребывающей в его теле, вторая — к душе, только что отделившейся от тела, но сохраняющей некоторую зависимость от его, а третья — к душе умершего, окончательно покинувшей тело. Душа в третьей стадии является свободной, она либо уже достигла назначенного ей места и ведет независимое существование в потустороннем мире, либо же не получила пристанища и остается между двумя мирами. Именно на этом последнем этапе, «душа идентифицируется с самим умершим, с его личностью и выступает в качестве его двойника» (там же).

В народной антропологии души наделяются характеристиками человека. Так, например, у душ те же потребности, что и у человека: они хотят пить, нуждаются в воде для мытья, в тепле и в одежде, даже испытывают голод. По некоторым поверьям, души

питаются только паром от горячей еды, но существуют и обычаи в поминальные дни готовить обед для душ, а в праздничные дни оставлять на столе еду и ложки именно для душ умерших родственников (там же: 162–163).

На вопрос о том, откуда у человека появляется душа, в народной антропологии есть несколько ответов. Например, по некоторым верованиям, душа появляется у человека до или в момент рождения, он рождается уже с душой, а душу ему дает мать. По другим верованиям душу в тело человека «вкладывает» либо Бог, либо ангел (там же: 163). У каждого человека должна быть одна душа, а обладать двумя душами считалось опасным. По общеславянским верованиям, двумя душами обладают беременные женщины, но также и мифологические человеческие существа как двоедушники и здухачи, для которых характерно то, что одна из их душ является демонической и обладает способностью покидать физическое тело человека во время сна и причинять вред обычным людям (СДЭС 2: 163, СлавМиф 2022: 124, 178).

Душа обычного живого человека по общеславянским верованиям пребывает в его теле, обычно в определенной части тела, а чаще всего локализуется в сердце, в груди, либо в желудке. Интересным является и тот факт, что душа способна перемещаться внутри тела — например, в пятки, в горло, в рот (на язык) и т. п. (СДЭС 2: 163). Такие представления особенно четко отразились в языке, о чем будет речь в следующем разделе работы. В языке также сохранились народные представления о смерти, т. е. о том, как душа отделяется от тела в момент смерти. Данное отделение понимается либо как действие самой души (душа «выходит», «улетает»), либо как действие умирающего (умирающий «расстается с душой»), либо как действие «третьего» лица (Бог, святой, ангел «забирают» душу, или же смерть, черт, нечисть «урывают» души косою, ножом, саблей и т. п.) (там же).

После смерти человека, очень важно убедиться в том, что его душа «ушла». Поэтому родственники расстегивают одежду умершего, отворяют окна, двери, сундуки, печную трубу, а даже разбирают потолок или крышу, чтобы пропустить душу умирающего (там же: 164). Иногда душа может и не выйти из умершего, а в таком случае, покойник превращается в упыря. Чтобы избежать таких случаев, близкие должны при умирающем «караулить» и убедиться, что душа покинула тело (там же). Но, даже если

душа покинула тело покойника, она может вернуться, а в тело может поселиться и какая-нибудь злая душа. Таких случаев избегают так, что завязывают покойнику рот (там же).

После смерти человека душа постепенно удаляется от тела покойника и его дома, до тех пор, как она постигает своего «постоянного пристанища» на потустороннем мире, откуда она «тоже совершает периодические отлучки к местам своего земного бытования» (там же). Первый круг обитания души после смерти ее тела — дом. Второй круг обитания души после смерти ее тела — между домом и кладбищем, а свободная душа, после сорокового дня, может перемещаться по всем мире «во всех его измерениях», т. е. она может находиться во верхних сферах (небо, атмосфера), в земном обитаемом пространстве и в нижних сферах (земля, подземный мир) (там же: 165). Свободные души, которые навещают свои дома, могут задерживаться в углах дома, на чердаке и на крыше. Из таких представлении происходят обычаи южных славян, в том числе и хорватов, бросать в Сочельник или на свадьбе в углы или на потолок зерно, яблоки, орехи, хлеб и т. п. (там же).

По славянским верованиям, хотя души находятся и в земном обитаемом пространстве, их нельзя увидеть, а существуют и убеждения, что душу нельзя увидеть, но можно услышать (там же). Все-таки, во всех славянских традициях есть рассказы о том, что люди в каких-то особых случаях, или с помощью магических приемов увидели душу и «составили представление о ее форме и субстанции» (там же). Существуют разные представления о форме души: антропоморфные, зооморфные и растительные образы, образы души как предмета, а также небесные и атмосферные образы души. Интересным является и достаточно широко распространенное верование о душе в форме невидимого или едва видимого воздуха, пара, тумана, дыма, ветра, воздушного пузыря, или же светящегося облака над могилой. С этими образами связаны и «плоские» бесплотные формы души — тень, отражение в воде (в колодце) или в зеркале. Из этих плоских форм самой интересной является тень, с которой связаны многие поверья, например, о том, что человек, не отбрасывающий тени, скоро умрет, или же о том, что тень человека можно замуровать, и тогда он умрет (там же).

Кроме «бесплотных» форм души, достаточно распространенные и антропоморфные образы душ, причем душа вообще представляется в виде маленького человека с чистым прозрачным телом, а «свободные души покойников (после сорокового

дня) часто представляются в телесном образе того умершего человека, которому принадлежали при жизни» (там же). С другой стороны, самые популярные верования связаны с зооморфными образами. Душа часто уподобляется летающим животным, в том числе летучим мышам, птицам (особенно ночным: сове, филину, сычу, а также кукушке, голубю и воробью) и насекомым (бабочкам, мотылькам, светлячкам, мухам), а также и другим животным, например мышам и рыбам (там же: 166). В образе животных представлены как «телесные» души (души живых людей), так и «связанные» души (души только что умерших людей), но чаще всего зооморфные образы связаны с «свободными» душами (после сорокового дня от смерти), потерявшими связь с своим телом и поселившимися в животные (там же). Растительный образ душ связан прежде всего с фольклорными мотивами «прорастания» душ в виде деревьев и цветов, а также с поверьями о происхождении растений, о «произрастании» детей в поле или в кустах и с представлениями о дереве как о двойнике человека (там же). Особенно интересны поверья, связанные с деревьями, потому что определенные деревья считались святыми в славянской мифологии, например дуб и липа (см. СлавМиф 2002: 133–136, 146–148, 283). С другой стороны, представления о душе в виде предмета достаточно редкие в традиционной славянской культуре. Все-таки, существуют поверья о том, что душа может пребывать в хлебе и хлебных крошках, либо поселиться в предметах одежды (СДЭС 2: 166). И в конце, представления о небесных и атмосферных образах душ связаны прежде всего с звездами, которые иногда выступают как образы душ умерших людей, в то время как падающие звезды считаются душами умерших некрещеных детей, а блуждающие огни — душами некрещеных детей, грешников, умерших насильственной смертью, самоубийц, обреченных на вечные скитания (там же: 166–167).

В более современных слоях культуры, понятие *душа* выступает в значении сути, характера, глубочайшей части человеческого сознания. Душа — локус чувств и морального характера человека, о чем говорится уже в вышеприведенных словарных статьях. Хотя *душа* все еще в некоторой степени связывается с религиозными, мифологическими представлениями, она употребляется и в значениях, отвергающих ее трансцендентный характер, т. е. обозначает просто внутренние, невидимые, не-физические характеристики человека.

3.3.3. Фразеология и лингвистические исследования о душе

Одно из самых интересных исследований о душе в русском языке проведено А. Вежбицкой и описано в ее книге «Semantics, Culture and Cognition» (Wierzbicka 1992), в которой речь идет о взаимосвязи значения и культуры. Слово *душа*, по словам А. Вежбицкой, является одним из ключевых слов русской культуры, как и слова «судьба» и «тоска» (Wierzbicka 1992: 31). Данные слова включают в себя культурные и этнолингвистические значения, характерные для русской культуры и ментальности. Значительность души в русской культуре и языковой картине мира становится очевидной в сопоставлении с английским словом *soul*, которое в словарях дается как перевод слова *душа*. Хотя данные слова считаются аналогичными, в семантическом и этнолингвистическом анализе А. Вежбицкая доказала, что значения этих двух слов в данных культурах все таки радикально отличаются друг от друга.

По словам А. Вежбицкой, слово *душа* часто появляется в русской литературе, а в английских переводах русской литературы слово *soul* появляется значительно реже. При этом, частотность слова *soul* в английских переводах русской литературы зависит не только от выбора переводчика и вкуса англоязычных читателей, но и от внутренних лингвистических правил, которые связаны с культурой (там же). Культурная часть значений слов *душа* и *soul* связана с народными концепциями человека — в то время как в русской языковой картине мира человек воспринимается как существо, составленное из тела и души, в англоязычном народном представлении как оппозиция телу выступает «MIND» — концепт, по значению наиболее близок концептами «УМ», «РАЗУМ». Значит, в англоязычной культуре с временем на смену концепту «SOUL», как в его сегодняшнем чисто религиозном, так и в его утраченном, более комплексном смысле, ступил концепт «MIND», и в сегодняшней культуре выступает как обозначение внутреннего мира человека, его не-физической сущности. Данные концепты народной философии и культуры, т. е. языковой картины мира, указывают на ключевые различия между двумя культурами и на их понимание человека: в русской культуре высоко оценивается эмоциональная, моральная, духовная жизнь человека, в то время как в англоязычной культуре ценят рациональность, интеллектуальность и знание (там же: 43, 63).

В своем анализе, основанном как на прецедентных текстах, так и на единицах языка (фразеологических единицах, словосочетаниях, поговорах и поговорках), А. Вежицкая утверждает, что в русском языке *душа* обозначает внутреннюю, невидимую часть человека, внутренний духовный театр, место духовных и эмоциональных происшествий, место глубоких чувств, скрытых от других людей, динамичный внутренний мир, место моральных процессов, моральное и эмоциональное ядро человека, но также и место внутренних знаний (связанных с чувствами и ценностями). Душа часто воспринимается более важной, чем тело, и обычно отождествляется с человеком в целом (там же: 50–51). Как «орган» чувств, душу нужно сравнить со сердцем, которое также является органом чувств. Но, сердце и душа в русском языке не являются аналогичными — сердце считается органом элементарных, «детских» чувств, в то время как в душе происходят более комплексные, глубокие и серьезные чувства (там же: 50). Далее, в отличие от сердца, душа является не одной из многих частей тела, а отдельной частью целого, одной из частей человека, который состоит из души и тела (там же).

Что касается лингвистических доказательств, связанных с значениями души в русском языке, интересным является тот факт, что *душа* сочетается как с предлогом *в*, так и с предлогом *на*, а это, пишет А. Вежицкая, указывает на то, что чувства души могут быть как «глубокими», так и «поверхностными» (там же: 56). Но, в душе или на душе человек может чувствовать только хорошие или плохие чувства, т. е. в душе можно чувствовать любовь или грусть, но нельзя поражаться (там же: 49). Все душевные чувства и процессы — скрыты от других людей, о чем свидетельствует и поговорка *Чужая душа — потемки* (там же: 50). Но, у человека появляется потребность высказать, открыть эти скрытые процессы своей души, что выражается и в языке: *излить душу, отвести душу, открыть душу, разговаривать по душам* и т. п. (там же: 57). Данное желание *открыть душу* является положительным качеством: тот, у кого *душа нараспаику* является чистосердечным, отзывчивым, откровенным человеком (там же: 58). Важно тоже напомнить и то, что откровенность души в русской культуре не обозначает самый высокий уровень близости — особая близость принадлежит не душе, а пространствами за душой, самыми глубокими и скрытыми пределами человека. Поэтому самый близкий человек и называется *задушевым другом* (там же). Далее, *душа* указывает и на

действительные и потенциальные добрые чувства к другим: прилагательное *душевный* обозначает искреннего, доброго и отзывчивого человека, а словосочетание *разговаривать по душам* подразумевает благосклонность и привязанность (там же: 59).

В исследовании А. Вежбицкой сопоставляются русская и англоязычная культуры, которые в принципе достаточно далеки друг от друга, и поэтому не удивляет тот факт, что концепты «ДУША» и «SOUL» настолько различны. Но, интересным является и вопрос о том, в какой степени русские культурные значения понятия *душа* являются общеславянскими. Итак, группа авторов провела корпусное исследование русских, хорватских и польских концептуальных метафор и метонимий, связанных с душой, утверждая, что концептуальная структура «ДУША» является не только русской, а общеславянской (Štrkalj Despot, Skrynnikova, Ostanina-Olzewska 2012). Сосредоточиваясь на воплощенный опыт в основе концептуальной структуры «ДУША», исследователи обнаружили в хорватском, русском и польском языках следующие метафоры: общую метафору бесплотной души, метафоры, связанные с реификацией, метафоры, связанные с образной схемой «контейнер», метафоры, связанные с персонификацией, а также метонимии души.¹⁹ Во всех трех языках исследователи нашли примеры почти всех когнитивных метафор, и пришли к выводу, что концептуальная структура «ДУША» действительно является общеславянской, несмотря на некоторые отличия между данными языками. В конце работы утверждается, что общая метафора бесплотной души и душа как локус субъективного опыта являются самыми важными и распространенными в концептуализации *души* в данных славянских языках и что *славянская душа* в первую очередь является локусом эмоциональности и чувствительности (там же: 14). Но, несмотря на то, что в данных славянских языках обнаружены сходства в концептуальной структуре «ДУША» с точки зрения когнитивной лингвистики, в лингвокультурологической перспективе важно более подробно анализировать именно

¹⁹ Приведем некоторые из метафор, обнаруженных в данном исследовании: лицо владеет душой (которая живет в его/ее теле), душа — физическая часть тела, которая может болеть, лицо владеет душой (которая живет в чужом теле); у близких социальных/религиозных/национальных групп — одна душа; душа — драгоценный предмет (который можно потерять, продать, украсть), душа — ломкий предмет, душа — физический предмет из твердого вещества (на нее можно гравировать), эмоции — пища души; душа — река/море; душа — теплый/жаркий/горячий/холодный предмет, душа — чистый предмет; тело — контейнер для души; тело — дом для души; глаза — окна на доме/теле (в глазах человека можно увидеть его душу); душа способна двигаться в теле; рот — дверь тела/дома; душа — это контейнер; душа чувствительного человека — полный контейнер, душа нечувствительного человека — пустой контейнер и т. д. (Štrkalj Despot, Skrynnikova, Ostanina-Olzewska 2012).

культурно-специфические характеристики данного концепта, в чем особую роль играют представления носителей языка и реальное употребление в современном языке.

Культурные значения концепта душа отразились и во фразеологии обоих языках. Так в русском языке появляется уже упомянутая ФЕ *душа нараспашку* у кого или *с душой нараспашку* кто, образ которой в «Большом фразеологическом словаре» объясняется метонимией и костюмным кодом культуры: душа метонимически отождествляется с человеком, а душевная открытость отождествляется с телесном открытостью (Телия 2009: 196–197). С другой стороны, в ФЕ как, например, *душа (сердце) в пятки уходит (ушла, ушло)* у кого, *душа (сердце) не на месте* у кого²⁰, или же *duša je na jeziku* кому²¹ отражаются древние верования о том, что душа перемещается в теле, когда человек в нехорошем эмоциональном состоянии, или же, когда человек скоро умрет. Иными словами, все три ФЕ образованы пространственной метафорой, связанной с мифологическими представлениями о том, что перемещение души — «крайне неблагоприятно для человека» (там же: 198).

В хорватском языке самые частотные ФЕ с словом-компонентом *душа* связаны с представлением о душе как о моральном центре человека, например: *dobra duša*; *duša od čovjeka (žene)*; *imati na duši (savijesti) koga, što*; *prodana duša*; *prodati dušu <vragu (đavlu, đavolu)>*; *sitna duša*²². Реже появляются ФЕ, связанные с представлениями о душе как об эмоциональном центре человека: *na duši je (leži) što* кому, *svom dušom*, *teško je pri duši* кому, *za svoju dušu*²³.

С другой стороны, в русском языке также появляются ФЕ, связанные с представлениями о душе как о моральном центре (например, *добрая душа*), но намного более частотны ФЕ, связанные с представлениями о душе как об эмоциональном центре человека: *душа болит*, *душа в пятках*, *душа загорелась*, *душа ноет*, *души не чаять*, *душа на месте* либо *душа не на месте*, *душа рвется* и т.п.

²⁰ В значении 'кто-то испытывает сильный страх' и 'кто-то сильно беспокоится, тревожится'.

²¹ Букв. *душа на языке* у кого; 'кто-то скоро умрет'.

²² Букв. *добрая душа*; *душа от человека (женщины)*, 'относится к добросердечному, честному человеку'; *иметь на душе (совести)* кого, что, 'быть ответственным за чье-то несчастье'; *проданная душа*, 'относится к тому, кто стал нечестным, чтобы получить пользу'; *продать душу черту (дьяволу)*, 'отказаться от честности ради выгоды'; *мелочная душа*, 'относиться к людям, отличающимся узким кругозором'.

²³ Букв. *что-то лежит у кого-то на душе*, 'что-то постоянно тревожит кого-то'; *всей душой*, 'искренне, преданно, с удовольствием'; *тяжело при душе кому*, 'печалить, грустить'; *за свою душу*, 'на свое удовольствие'.

В хорватском языке также появляются ФЕ, связанные с традиционными представлениями о смерти: *boriti se (dijeliti se, rastajati se) s dušom, duša je na jeziku kome, ispuštiti dušu*²⁴, а такие же ФЕ появляются и в русском языке: *душа на небе, душа с телом расстается*. Кроме ФЕ, связанных с представлениями о смерти, в обоих языках появляются и ФЕ, связанные с представлениям о душе как о сути человека, но в русском их больше, чем в хорватском: *roznavati (znati) u duši koga što, srodna duša*²⁵, и *душа нараспашку, душа на изнанку, душа — потемки, бумажная душа, вывернуть душу на изнанку* и т. п.

Хотя показалось, что у хорватской и русской ЯКМ есть некоторые сходства, касательно концепта «ДУША», уже в кратком обзоре ФЕ с словом-компонентом *душа* показалось, что на языковом плане все-таки существуют определенные различия, которые следует более подробно анализировать.

3.4. Итоги

В данной части работы приведены культурные и лингвистические информации о концептах «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в хорватской и русской языковых картинах мира. Все эти концепты являются в некоторой степени общеславянскими, т. е. они — важная часть общеславянской традиционной культуры. Но, они также особым способом отражаются в национальных культурах, в том числе в русской и хорватской языковых картинах мира.

Медведь — важное животное в традиционной культуре русских и хорватов. Особенно важным считается в русской культуре, как традиционный персонаж русского фольклора и тотемное животное, выступающее символом силы, здоровья, плодородия и т. п., с которым связаны разные обряды и поверья. В хорватской культуре медведь не настолько сильно и четко связывается с национальной идентичностью, как в русской, но все таки занимает важное место в мире символики животных, о чем свидетельствуют как разные топонимы, этимологически связаны с медведем, так и названия продуктов, рекламы и мультфильмы. В значении концепта «МЕДВЕДЬ» самым интересным является отношение между более древними и более современными представлениями о медведе,

²⁴ Букв. *бороться с душой, отделяться от души, расставаться от души, 'умирать'; душа на языке у кого, 'кто-то скоро умрет'*; *отпустить душу, 'умереть'*.

²⁵ Букв. *знать в душу кого, что, 'очень хорошо знать кого'; родственная душа*.

т. е. появляется вопрос о том, в какой степени носители данных языков медведя связывают с опасным диким зверем с одной стороны, а в какой степени они его воспринимают как игрушку, героя мультфильмов и мягкого и теплого друга детей с другой стороны.

Хлеб является, как в хорватской так и в русской культурах, главным представителем семантического поля *еда*. В традиционной культуре обоих народов хлеб был самым почитаемым видом еды, а в то же время являлся как частью повседневного быта, так и сакральной реалией. В более древнем слое культуры, хлеб является самым ценным, сакральным, в то время как в более современных слоях культуры хлеб воспринимается как символ нищеты. Оба этих антонимических смысла, включенных в многочисленные значения концепта «ХЛЕБ» ярко выражены и в языке, особенно во фразеологии. Следует ответить на вопрос о том, в какой степени данные антонимические представления, и другие символические значения хлеба, присутствуют в сознании носителей данных языков.

Душа — самое абстрактное понятие из трех выбранных концептов, а считается частью общеславянской народной антропологии. Душа толкуется как невидимая, не-физическая часть человека, бинарная оппозиция телу. Хотя считается, что «ДУША» является общеславянским концептом, который во всех славянских культурах воспринимается прежде всего как эмоциональный центр человека, все таки в двух данных картинах мира существуют определенные различия, на которые нам указывает фразеологический состав двух языков. Интересным является вопрос о том, насколько действительно похожи культурные концепты «ДУША» в хорватском и русском языках, и существуют ли в хорватской языковой картине мире сходства с англоязычным восприятием души, отличающиеся от русского.

4. Концепты «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в хорватской языковой картине мира

4.1. Создание опроса

Целью данной части работы является проверить, какие из значений концептов «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША», перечисленные в предыдущем разделе, являются частью сознания носителей русского и хорватского языков. В случае носителей русского

языка, хорошим источником для проверки их сознания служит «Русский ассоциативный словарь» (РАС). Но, поскольку ассоциативного словаря хорватского языка не существует, чтобы собрать нужные данные был создан опрос для носителей хорватского языка. Данный опрос был проведен с 21 по 28 апреля 2023 года путем образца *Google Forms*, и в нем участвовали 54 студента в возрасте 20–25 лет, 48 женщин (88,9%) и 6 мужчин (11,1%). Информантами были студенты, поскольку и в опросе, на котором основывается РАС, также участвовали студенты в возрасте 18–25 лет. Данная возрастная группа интересна лингвистам, поскольку обычно считается, что формирование языковой личности завершается после 25-ого года жизни. Основная проблема в случае нашего опроса лежит в том, что в числе респондентов гораздо больше женщин, чем мужчин, и это в некоторой степени ограничивает возможность генерализации данных на всю популяцию говорящих.

Методы, использованные в опросе, включают как ассоциативный метод, так и методы шкалирования — метод семантического дифференциала и шкалу Лайкерта. Опрос состоит из трех частей. Каждая часть посвящена одному из исследованных нами концептов и состоит из трех основных вопросов. Более конкретно, в первом вопросе, используя метод свободного ассоциативного эксперимента, испытуемым предлагается написать свою первую ассоциацию на слово-стимул. Ответы на данный вопрос служат дополнительным контекстом за обработку данных, полученных в главной части опроса. Во втором вопросе, главной части анкеты, испытуемым предлагается на шкале 1–5 отметить, в какой степени они ассоциируют предложенные слова с *медведем*, *хлебом* и *душой*. Выбор вида шкалирования, как и предложенных на шкалах слов, исходит из данных, приведенных в предыдущей части работы. В последнем вопросе испытуемым дается возможность по желанию написать что-угодно, что они связывают со словом-стимулом. В конце настоящей работы прилагается экземпляр анкеты ([Приложение А](#)).

В разделе, относящемся к медведю, после свободной ассоциации информантам предлагаются два дополнительных вопроса. Один из них относится к цвету медведя, в то время как цель второго вопроса — определить, насколько частотным является представление о медведе как об игрушке или предмете, по сравнению с представлениями о медведе как о животном. В главной части анкеты о медведе используется метод

семантического дифференциала. Целью данной части анкета является определить, какое из антонимических представлений является более частотным в сознании носителей хорватского языка. Речь идет о представлении о медведе как об игрушке или герое мультфильмов, а также о других символических значениях медведя с одной стороны, и о представлении о медведе как о диком и опасном животном с другой стороны. Исходя из предыдущего исследования Б. Барчот (Barčot 2017) можно утвердить, что одно из данных представлений является более частотным, а именно, представление о медведе как о диком и опасном животном. Поэтому стоит сравнить данные представления именно с помощью метода семантического дифференциала, в котором испытуемым предлагается определиться за одно из антонимических представлений.

В разделе, относящемся к хлебу, информантам не предлагается дополнительных вопросов. В главной части анкета о хлебе используется шкала Лайкерта. Данный метод выбран, так как лингвокультурологические и фразеологические данные указывают на то, что антонимические представления о хлебе являются в большей степени равным образом представлены в хорватском языке. Поэтому информантам предлагается индивидуально оценить каждое из приведенных антонимических значений. Несмотря на то, что у нескольких значений хлеба, вычисленных в предыдущей части, нет антонимов, их также стоит включить в анкет.

Часть анкета о душе является самой обширной, поскольку «ДУША» и является самым абстрактным и комплексным из трех исследуемых нами концептов. Во втором вопросе снова используется метод шкалы Лайкерта, по тем же причинам, что и в предыдущей части. Данная часть анкета расширяется вопросом, построенным на основе направленного ассоциативного метода. Информантам предлагается дополнить шесть словосочетаний со словом *душа*, используя лексемы определенной части речи (существительное, прилагательное, глагол). Конструкции, включенные в данную часть анкета, выбраны с помощью языковых данных из толкового и фразеологического словарей хорватского языка, а также и с помощью проверки в корпусе хорватского языка hrWaC²⁶. Особенно интересными оказались словосочетания, включающие конструкции *u duši* и *na duši*, аналогичные частотным словосочетаниям русского языка.

²⁶ Croatian Web Corpus; Режим доступа: <https://www.sketchengine.eu/hrwac-croatian-corpus/>.

4.2. Результаты проведенного анкетирования

На общем уровне, интересным может показаться тот факт, что в части анкета, относящейся к свободным ассоциациям, несколько респондентов давали не дискретные ассоциации, а описывали свои ментальные картины слов-стимулов. Имеем в виду тот факт, что некоторые респонденты вместо одного семантического целого в форме слова, устойчивого словосочетания, названия прецедентного текста или фразеологической единицы приводили более длинные описания, примером которого является и следующая реакция на слово-стимул *kruh*: *Napola narezana štruca bijelog kruha na dasci za rezanje (tako da je vidljiva unutrašnjost)*²⁷. Далее, другие респонденты в данном вопросе давали денотативный тип информации, т. е. давали свое толкование определенного слова-стимула. Большинство респондентов в ответ давали единичные реакции, но некоторые из них приводили сразу несколько отдельных единичных реакций. Например, на слово-стимул *медведь* один из респондентов написал *smede, zubi, kandže* (букв. *бурый, зубы, когти*), приводя несколько ассоциаций, связанных с внешним видом данного животного. С другой стороны, один из респондентов привел сразу две совсем отдельные ассоциации: *smedi medvjed i medvjed na kovanicu od 5 kn* (букв. *бурый медведь и медведь на монете 5 кун*), причем одна из приведенных ассоциаций связана с медведем как животным, в то время как в другой медведь выступает символом. В обработке данных, такие множественные ответы рассматривались отдельно, т. е. *smedi medvjed* причислялся другим единичным ответам *smedi medvjed*, в то время как *medvjed na kovanicu od 5 kn* причислялся единичным ответам данной категории. Важно напомнить и тот факт, что в части анкета о концепте «ДУША» один из респондентов не перечислил свободную ассоциацию на слово-стимул *душа*.

Самыми частотными свободными ассоциациями на слова-стимулы *medvjed*, *kruh* и *duša* являются следующие: *šuma 7*, *hrana 15* и *tijelo 4* (букв. *лес 7*, *пища 15* и *тело 4*). Во всех заданиях, в которых респондентам предлагается написать свободные ассоциации на слово-стимул, появляется достаточно много единичных ответов. Такие результаты были ожидаемыми, поскольку эксперты оценивают, что в ассоциативном опросе нужно как минимум 500 респондентов, чтобы было возможно «вывести» правдоподобную

²⁷ Букв.: *наполовину нарезанный батон белого хлеба на разделочной доске (поставлен так, чтобы была видна внутренняя часть хлеба).*

ассоциативно-вербальную сеть. Поэтому, в данной работе свободные ассоциации респондентов рассматриваются вместе с более направленными ассоциациями и оценками.

В обработке результатов, свободные ассоциации приведены по частотности – от самого частотного ответа до единичных ответов. После каждой ассоциации жирным шрифтом написано число реакций, относящееся к данной ассоциации. В случае, если несколько ассоциаций появилось в том же количестве, они перечислены в алфавитном порядке, а число указано в конце ряда. В случае единичных ответов, дискретные ассоциации перечислены в алфавитном порядке, но в качестве исключения, единичные ассоциации, относящиеся к категориям ментальных картин и толкований, ради понятности перечислены в самом конце, несмотря на их алфавитный порядок. В конце в скобках приведены общее число реакций, число различных реакций, число нулевых реакций и число единичных реакций. Кроме того, в конце приведено и число многократных реакций (тех, в которых один респондент привел сразу две или более отдельных реакции), а также число более комплексных свободных ассоциаций (ментальных картин, толкований). Далее приводится таблица, в которой реакции разделены в соответствующие категории, т. е. ассоциативные поля. Подобным образом обработаны и данные, полученные в вопросах откровенного типа. В данном случае, все реакции респондентов приведены в оригинальной форме, т. е. многократные ответы одного респондента не разбивались на составляющие их части. Как и в первом случае, реакции приводятся и в табличной форме, где указана их принадлежность определенным ассоциативным полям. В части, относящейся к концепту «ДУША», направленные ассоциации также приводятся в частотном и алфавитном порядке, но не дается табличного представления реакций.

Данные, полученные в шкалах обработаны с помощью методов дескриптивной статистики. За каждое из суждений посчитаны следующие средние величины: среднее, медиана и мода, а за каждую из градаций пересчитано число ответов. Таким образом утвердилось, насколько респонденты согласны с каждым из шкалированных значений, и можно ли данные значения считать общими характеристиками исследуемых нами концептов в ЯКМ хорватского языка.

Полные обработанные результаты из-за обширности приложены в конце работы ([Приложение В](#)). В следующей главе дается подробный анализ обработанных результатов анкетирования.

4.3. Обработка и анализ результатов

4.3.1. Медведь

Исходя из предыдущего лингвокультурологического исследования хорватского языка, проведенного Б. Барчот (Barčot 2017) в 2012 году, можно положить, что в сознании носителей хорватского языка преобладает представление о медведе как о диком животном. На это указывают и свободные реакции респондентов нашего опроса, большинство которых относится к ассоциативному полю внешнего вида, разновидностей и частей тела медведя (*smeđi medvjed, smeđa boja, debljina, grizli, kandže, krzno, zubi*), а также образа жизни медведя (*šuma, med, divljina, zimski san*)²⁸. Интересным может показаться и тот факт, что шесть респондентов в качестве свободной ассоциации привели толкование медведя, например *velika smeđa opasna životinja* (букв. *большое бурое опасное животное*), а два респондента описали свои ментальные картины медведя. В одной из картин респондент описывает животное и его жизненную среду (*Veliki smeđi medvjed u šumi, hoda na četiri noge na zelenoj travnatoj površini*), а в другой – у медведя появляются предметы, принадлежащие человеку (*Smeđi čupavi sjedi ima crvenu maramu oko vrata, medo brundo*)²⁹. Медведь в последней картине связан как с вышеупомянутым прецедентным текстом, так и с изображениями медведей в мультфильмах и детских книжках.

Кроме ассоциаций, связанных с медведем как диким животным, появляются и ассоциации, связаны с прецедентными текстами (*(medo) Brundo, Tri medvjeda i gitara*), чувствами и реакциями людей (*sladak, strah*), логотипами и символами (*5 kuna*), предметами (*plišanac*), топонимами (*Lika*), антропоморфными чертами (*hrabar*), а также конкретными людьми (*Putin*)³⁰. Особенно интересным является последняя из ассоциаций, которая возможно указывает и на связь медведя с Россией вообще в хорватской ЯКМ.

²⁸ Букв. *бурый медведь, бурый цвет, тучность, гризли, когти, шерсть, зубы*, а также *лес, мед, зимняя спячка, дикое место*

²⁹ Букв. *большой бурый медведь в лесу, ходит на четырех ногах на зеленой травяной поверхности и большой, косматый, сидит, у него красный шейный платок, медвежонок брундо.*

³⁰ Букв. *(медвежонок) Брундо; Три медведя и гитара* (детский рассказ хорватского писателя Людевита Бауера); *милый, страх; 5 кун; плюшевая игрушка; Лика; храбрый; Путин.*

По результатам данного опроса, хорватский медведь является прежде всего бурым (98,1%), а для одного из респондентов — черным (1,9%). Белых, т. е. полярных медведей в данном опросе респонденты не упомянули. Также, по реакциям респондентов, медведь в сознании носителей хорватского языка является прежде всего животным (98,1%), в то время как в ментальной картине медведя одного из респондентов изображено не животное, а плюшевая мишка.

Большинство респондентов согласны, что в их представлении медведь является большим (50; 92,6%) и сильным (41; 77,78%). Далее, достаточно много респондентов в своем представлении считают медведя симпатичным (35; 64,82%) и умным (33; 61,11%), причем некоторые все-таки медведя считают несимпатичным (6; 11,11%) и глупым (9; 16,6%). С другой стороны, нет консенсуса о том, является ли медведь ловким или неловким, опасным или милым, жесткошерстным или мягким. Ответы респондентов указывают на то, что в сознании носителей хорватского языка преобладают представления о медведе как о животном, причем самые очевидные его свойства — его размер и сила. Отсутствие консенсуса в понимании некоторых из его свойств указывает на присутствие других представлений о медведе, а именно, тех, связанных с мультфильмами, игрушками и рассказами (*мягкий, милый*) и тех, которые являются частью ФКМ хорватского языка (например, ФЕ *medvjeda usluga*, в образе которой находится неловкость медведя). Далее, в понимании респондентов медведь является симпатичным, что возможно относится прежде всего к медведю в роли героя мультфильмов.

Вышеприведенные утверждения подтвердили и свободные ассоциации из последнего вопроса о медведе. Реакции большинства респондентов, определившихся ответить на данный вопрос, связаны с внешним видом, поведением и образом жизни медведя, но присутствуют и реакции, связанные с культурными знаниями респондентов (например, *Macola*), а также с мультфильмами, рассказами и древними культурными представлениями (например, *crtići, nježan, odgovornost, moć*)³¹.

Значит, в сознании носителей хорватского языка, по результатам данного опроса, концепт «МЕДВЕДЬ» содержит, прежде всего, значения, связанные со свойствами данного дикого зверя. Но, частью данного концепта являются и характеристики медведя, выступающего в роли героя мультфильмов, а также характеристики медведя как детской

³¹ Букв: мультики, нежный, ответственность, мощь.

игрушки, хотя в меньшей степени. Такие значения подтверждают и разные свободные ассоциации, связанные с прецедентными текстами и антропоморфными свойствами, приписываемым медведям.

4.3.2. Хлеб

Самая частотная реакция на слово-стимул *kruh* в данном опросе — гипероним *hrana*, что возможно указывает на статус хлеба как главного представителя семантического поля *eda*. Большое число реакций принадлежит категориям разновидностей, свойств и частей хлеба (*bijeli, crni, kukuruzni, hrskav, korica, mekan, štruca kruha...*), а также мест, где хлеб выпекается (*pekara, pekarnica*)³². Интересной является и реакция *dom* (букв. *дом*), связывающая хлеб с чем-то домашним, родным, а также реакции *Krist* (*Христос*) и *vino* (*вино*), указывающие на значения хлеба в христианстве. При этом в одной из данных реакций хлеб напрямую связывается с лицом Иисуса Христа, а в другой менее явно указывается на литургию, т. е. на обряд пресуществления хлеба и вина.

Как реакции на слово-стимул *kruh* появляются также и четыре описания ментальных картин. В трех из них описан батон белого хлеба, в то время как в одной описан круглый, коричневый хлеб, на корке которого вырезан узор креста. Данные ментальные картины возможно указывают на то, что в ЯКМ хорватского языка прототипическим хлебом является именно батон белого хлеба. Далее, интересными единичными реакциями являются реакция *Dan kruha*, указывающая на присутствие данного праздника в сознании носителей хорватского языка, а также и реакции *novac* (*деньги*) и *pogača* (*лепешка*), которые возможно являются намеками на фразеологические единицы. Более конкретно, *pogača* является словом-компонентом ФЕ *tražiti kruha preko (iznad) pogače (nad pogačom)*, в то время как *деньги* являются средствами к существованию, которые в ФКМ образно представлены в разных ФЕ со словом-компонентом *kruh* (например, *imati kruh u rukama*³³).

В части опроса, направленной на шкалирование некоторых культурных значений хлеба, респонденты дали несколько неожиданные нами ответы. Вопреки нашим

³² Букв. *белый, черный, кукурузный, хрустящий, корка, мягкий, буханка хлеба; и пекарня, булочная.*

³³ Букв. *искать хлеба вместо лепешки, 'быть нескромным'; иметь хлеб в руках, 'иметь квалификации, чтобы получить работу и стать материально независимым'*

ожиданиям, основанным на языковых данных, большинство респондентов не связывают хлеб ни с нищетой, ни с богатством. С нищетой хлеб категорически не связывает 26 респондентов (48,15%), нейтральный ответ выбрали 18 респондентов (33,33%), а только 10 респондентов (18,51%) связывают нищету с хлебом. Похожа ситуация и с богатством: 20 респондентов (37,04%) категорически отрицают связь между хлебом и богатством, 25 респондентов (46,29%) выбрали средний ответ, а только 9 респондентов (16,67%) категорически связывают богатство с хлебом. Поскольку фразеологические данные все-таки указывают на то, что эти два значения присущи хлебу в ФКМ, интересным может показаться, что нищета и богатство не являются неоспоримой частью значения концепта «ХЛЕБ» вне контекста фразеологии. Или же, по крайней мере, данные фразеологические значения не проявляются на сознательном уровне культурных и языковых знаний носителей хорватского языка.

С другой стороны, хотя в языковых данных, перечисленных нами в предыдущем разделе работы, не нашлось современных ФЕ или выражений, связывающих хлеб с гостеприимством, показалось, что в сознании носителей хорватского языка такое значение все еще существует. Итак, только 4 (7,41%) респондента категорически не связывают гостеприимство с хлебом, в то время как их 20 (37,04%) определилось за средний ответ, а даже 30 (55,56%) категорически считают гостеприимство частью значения концепта «ХЛЕБ». Данные результаты наверное указывают на то, что в сознании носителей хорватского языка все-таки сохранилась память об общеславянских обычаях угощения друзей и гостей хлебом и солью, несмотря на то, что следы такого значения не сохранились в современном хорватском языке.

Принимая во внимание контекст свободных ассоциаций, не удивляет тот факт, что респонденты практически полностью согласны, что хлеб не является мистическим (48; 88,89%). Только один из респондентов категорически связывает хлеб с чем-то мистическим, а интересным может показаться факт, что данный респондент не тот же, чья свободная реакция на слово-стимул *kruh* была *Krist* или же *vino*. С другой стороны, большинство респондентов согласны, что хлеб является чем-то бытовым, ежедневным (36; 66,67%), в то время как только семь респондентов (12,96%) категорически не связывают хлеб с данным значением. С другой стороны, респонденты не согласны по поводу хлеба как святыни: 15 из них выбрали средний ответ (27,78%), 18 респондентов

категорически не связывают хлеб с святыней (33,33%), в то время как 21 респондент хлеб считает святыней (38,89%). Данные результаты не являются убедительным доказательством какого-либо предположения, но они все-таки намекают на возможное присутствие значения святыни в содержании концепта «ХЛЕБ», которое нужно более подробно проверить в более широком круге информантов.

Интересные реакции появляются и в последнем вопросе части анкета, посвященной хлебу. Кроме того, что снова появляются реакции, связанные со свойствами и частями хлеба (например *mrvice*, *mekoća*, *hrskav*), а также с христианством и религиозными представлениями (*vjera*, *Bog*, *Kristovo tijelo*)³⁴, несколько раз повторяются и следующие реакции: *obitelj* и *dom* (букв. *семья*, *дом*). Учитывая и реакцию *дом* из вопроса со свободными ассоциациями, нужно указать на возможность, что *хлеб* в сознании носителей хорватского языка является символом домашнего уюта и теплоты семейного круга. Но, в данном случае число респондентов является недостаточным, чтобы их реакции могли признаться убедительным доказательством этого предположения. Далее, одна из реакций в этой части опроса могла бы показаться интересной в лингвокультурологическом фразеологическом исследовании, направленном на отражение ФЕ с словом-компонентом *kruh* в сознании носителей хорватского языка. Речь идет о следующей реакции: *Fraza „trbuhom za kruhom” koja u mojim mislima budi sliku debeljuškaste žene koja trči za okruglim kruhom koji se kotrlja niz brežuljak.*³⁵ Данная реакция представляет собой очень интересную ментальную картину ФЕ *trbuhom za kruhom*, в которой носитель языка живописно объясняет себе образ данной ФЕ в форме образно-мотивационного и аллюзивно-иллюстративного типа информации по методике описания материала М. Л. Ковшовой (Ковшова 2012). Такой единичный ответ не может признаться убедительным доказательством того, что данная ФЕ присутствует в сознании носителей хорватского языка и ими активно используется, но все-таки является интересным намеком на ФКМ хорватского языка.

Таким образом, результаты данного опроса указывают на то, что в сознании носителей хорватского языка большую часть концепта «ХЛЕБ» составляют представления о хлебе как о повседневной реалии. В меньшей, но значимой, части данный концепт

³⁴ Букв.: крошки, мягкость, хрустящий и вероисповедание, Бог, тело Христово.

³⁵ Букв.: Выражение «животом за хлебом», которое в моих мыслях создает картину пухленькой женщины, которая бежит за круглым хлебом, катающимся с холма.

состоит из символических представлений о хлебе. Из символических значений данного концепта, важной частью являются христианские представления о хлебе, восходящие к значениям еды в тотемизме. Несколько неожиданным является то, что реакции респондентов данного исследования указывают на отсутствие значений нищеты и богатства, а также на присутствие значения гостеприимства в концепте «ХЛЕБ». Такие результаты неожиданны, поскольку языковые данные указывали на обратную ситуацию. В числе свободных ассоциаций респондентов появляются намеки на значение домашнего и семейного уюта и теплоты в концепте «ХЛЕБ», а также на присутствие ФЕ со словом-компонентом *kruh* в сознании говорящих.

4.3.3. Душа

В числе свободных ассоциаций на слово-стимул *duša* самыми частотными являются реакции, связанные с представлениями о концепции человека, телом и частями тела (например, *tijelo, srce, čovjek, osoba*), а также реакции, связанные с религиозными представлениями (*duh, vjera, religija, reinkarnacija, Bog*)³⁶. Далее, достаточно большая группа реакций связана со свойствами и функциями души (*nedodirljivo, prozirno, psiha, besmrtnost*)³⁷. Несколько реакций респондентов связано с философией (*filozofija, Toma Akvinski*), с чувствами (*ljubav*), с представлениями о душе как о моральном центре человека (*dobrota*), а также и с ласкательной формой обращения (*kako te baka zove*)³⁸. И в данной части опроса появляется несколько реакций в форме описания ментальных картин: *Stablo vrbe na zelenoj travnatoj čistini usred šume; Pogled na sebe iz ptičje perspektive*, а также *vizualno zamišljam nekakav duh ili vjetar koji formira oblik čovjeka*³⁹. Данные картины возможно указывают на остатки древних славянских верований о форме души и о ее возможностях перемещения в пространстве. Со славянской мифологией особенно четко можно связать первую из приведенных ментальных картин, поскольку дерево в мифологических представлениях устойчиво соотносится с человеком, а существуют и древние верования о том, что души разных людей (например, жертв убийства или же убийц) после смерти поселяются в деревья (СлавМиф 2002: 133–134). В славянской мифологии верба также имеет особые значения, но они не напрямую связаны с

³⁶ Букв.: *тело, сердце, человек, личность и дух, вероисповедание, религия, реинкарнация, Бог.*

³⁷ Букв.: *невозможно прикоснуться, прозрачное, психика, бессмертие.*

³⁸ Букв.: *философия, Фома Аквинский; любовь; доброта; как бабушка к тебе обращается.*

³⁹ Букв.: *дерево вербы на зеленой травянистой поляне посреди леса; Взгляд на себя с высоты птичьего полета; визуально я представляю какой-то дух или ветер, образующий форму человека.*

представлениями о душе или человеке, а относятся к обрядам вызывания дождя и лечебной практике (там же: 69–70). Значит, данная картина возможно указывает на присутствие в сознании респондента представлений о душе, связанных со славянской мифологией, но уже с некоторыми несоответствиями, как будто информации, дошедшие до носителя языка, с временем несколько изменились. Следует, свободные ассоциации указывают на присутствие в сознании носителей хорватского языка как религиозных представлений о душе, так и представлений о функции души и концепции человека, не нужно связанных с религией. Далее, реакции респондентов указывают на то, что душа воспринимается как центр эмоций и чувств, а также как центр моральных ценностей.

В ответах респондентов, связанных со шкалированием, обнаруживаются некоторые интересные тенденции. Большинство информантов с душой несомненно связывают чувства (47; 87,04%), что указывает на то, что в их сознании душа является эмоциональным центром человека, т. е. что душа — локус чувств. При этом, из предложенных чувств, только любовь категорически связывается с душой (41; 75,93%), в то время как боль и грусть, как негативные эмоции, респонденты не четко связывают с душой. Из 54 респондента, только их 25 (46,30%) ответили, что связывают боль с душой. Далее, душу с грусти категорически связывает только 21 респондент (38,89%). Хотя такие результаты невозможно считать убедительным доказательством того, что данные эмоции связываются с душой в сознании носителей хорватского языка, некоторые реакции из следующей части анкета все-таки указывают на существование данной связи.

Большинство респондентов согласны, что душа является моральным центром человека. При этом, они утверждают, что душа связана с добром (47; 87,04%), в то время как отрицают ее связь со злом (49; 90,74%). Такие представления подтверждаются и в следующей части опроса. Далее, респонденты отрицают связь души с логикой (38; 70,73%). Значит, в данном случае ответы респондентов указывают на то, что и в хорватском языке концепт «ДУША» не связывается с логическими процессами, как ни в русском языке, по утверждениям А. Вежбицкой (Wierzbicka 1992: 51).

Что касается жизни, смерти и бессмертия, большинство респондентов утверждают, что данные понятия связаны с душой. Интересным может показаться тот факт, что даже 44 респондента (81,48%) связывают душу с жизнью, в то время как меньшая часть их душу связывает со смертью (32; 59,26%) и бессмертием (34; 62,96%). В

данном случае, такие ответы возможно указывают на то, что в сознании носителей хорватского языка душа толкуется прежде всего как жизненная сила. Реакции респондентов вероятно намекают на то, что связь души со смертью и бессмертием постепенно слабеет. Это может напомнить значение души в русском языке в советское время, когда данная лексема очевидно употреблялась совсем без примеси религиозных значений и верований, о чем пишет и А. Вежбицкая (там же: 39–40). Значит, ответы респондентов подтверждают, что и в хорватском языке существует значение *души*, отдельное от строго религиозного.

Большинство респондентов душу считают чем-то глубоким (41; 75,93%), в то время как меньшая часть их душу считает чем-то незнакомым, странным (31; 57,41%). Такие ответы соответствуют языковым данным. Например, ФЕ *dirnuti (potresti) koga do dna duše* и *mrziti (prezirati...) iz dna duše*⁴⁰ в своем образе содержат представления о душе как о чем-то глубоком, на дне которого происходят самые яркие, сильные эмоции. С другой стороны, в ФКМ представления о том, что души являются скрытыми от внешнего мира отразились больше всего в ФЕ, в которых выражается особая близость, понимание другого человека, например *poznavati (znati) u dušu koga što*⁴¹. Иными словами, подчеркивается то, что хорошо знать человека значить быть знакомым с его душой. Также, не существует языковых конструкций, которые указывали бы на маргинальное значение английского концепта «SOUL», т. е. на то, что человек не знаком с собственной душой, и что ему не известно, что происходит в его собственной душе (там же: 38). Значит, в сознании носителей хорватского языка присутствует представление о том, что чужая душа — незнакомая, но подчеркивается возможность ознакомления с ней, и поэтому душа не настолько сильно связывается с чем-то незнакомым.

Цель следующей части опроса — проверить употребление слова *душа* в хорватском языке, т. е. проверить, присутствуют ли в сознании носителей языка определенные словосочетания и ФЕ с словом-компонентом *душа*, и как они употребляются.

В задании со словосочетанием *DUŠA i (кто, что)* самыми частотными реакциями являются *tijelo (тело, 31)* и *srce (сердце, 11)*, что подтверждает присутствие в сознании

⁴⁰ Букв.: *тронуть* кого *до дна души*, 'сильно эмоционально воздействовать на *кого*' и *ненавидеть (презирать...)* *из дна души* кого, что, 'сильно, в самой большой степени ненавидеть *кого, что*'.

⁴¹ Букв.: *знать* кого *в душу*, 'очень хорошо знать *кого, что*'.

носителей языка концепции человека как существа, состоящего из видимой части (тела) и невидимой части (души), а также указывает на близость концептов «ДУША» и «СЕРДЦЕ», о которой свидетельствует и их взаимозаменяемость в контексте некоторых ФЕ. Кроме этих частотных реакций, дважды появляется реакция *duh* (букв. дух), а также появляется девять единичных реакции, которые не связаны с употреблением лексемы *душа* в хорватском языке, поскольку не являются устойчивыми выражениями.

Во втором задании респонденты дополняли словосочетание (*kakva*) *DUŠA*, т. е. им предлагалось написать прилагательное. Один из респондентов в ответ написал существительное *srce*, но остальные правильно поняли задание. Самыми частотными ответами являются *dobra* (*добрая*, 25), *velika* (*большая*, 5) и *čista* (*чистая*, 3), а дважды появляются ответы *sretna*, *bogata*, *vječna*, *mirna* и *lijepa* (*счастливая*, *богатая*, *вечная*, *спокойная* и *красивая*). Появляется и 14 единичных ответов. Так как в хорватском языке существует ряд ФЕ со словом-компонентом *душа*, в которых вторым компонентом выступает прилагательное, большое число различных реакций не удивляет. Интересно, что самым частотным ответом является прилагательное *dobra*, указывающее на ФЕ *dobra duša*, что подтверждает ее присутствие в сознании носителей хорватского языка. Появляется и единичный ответ *sitna*, указывающий на ФЕ *sitna duša*. Далее, ответы *čista* и *mirna* также возможно относятся к языковому употреблению, а именно намекают на ФЕ *mirne duše*, в значении 'без колебаний' и устойчивое словосочетание *čiste duše* (*činiti što*), в значении 'справедливо'. Остальные единичные ответы не указывают на устойчивые языковые единицы, а просто отражают субъективные представления респондентов о душе (например: *bijela*, *tirkizna*, *slatka*)⁴².

В третьем задании респондентам предлагалось глаголом дополнить словосочетание со словом *душа* в винительном падеже. Самыми частотными реакциями в этом задании являются следующие глаголы: *imati* (*иметь*, 11), *prodati* (*продать*, 5), *osjetiti* (*почувствовать*, 4), а дважды появляются ответы *imat*, *voljeti*, *ispustiti* и *znati* и (*имею*, *любить*, *выпустить* и *знать* в). Кроме того, появляется и 27 единичных реакций. И в данном случае многие реакции указывают на устойчивые выражения и ФЕ. Так, например, самый частотный ответ, глагол *imati* может считаться простым утверждением о владении душой, но также может указывать на ФЕ *imati dušu* в значении 'уметь

⁴² Букв.: *белая*, *бирюзовая*, *сладкая*.

сочувствовать'. Далее, реакция *prodati* ясно отсылается на ФЕ *prodati dušu* <*vragu, (đavlu, đavolu)*> в значении 'отказаться от честности ради выгоды'. Здесь интересным может показаться то, что в предыдущем задании не появилось реакции *prodana*, которая относилась бы к ФЕ *prodana duša*, в основе которой находится такой же образ. В реакциях респондентов появляются и ответы, указывающие на ФЕ *znati u dušu* *koga, što* в значении 'очень хорошо знать *koga, што*', потом *ispustiti dušu* в значении 'умереть', *ogriješiti/griješiti dušu* 'наносить вред *кому-то*', и *dušu dati za što* 'быть самым подходящим к *чему-то*'. Также появляются реакции, указывающие на разные устойчивые выражения, например *isplakati dušu* (очень сильно плакать), *opustiti dušu* и *odmoriti dušu* (хорошо отдохнуть). Интересно, что появляются разные реакции, связанные с представлениями о том, что близость с другим человеком включает «знакомство» с его душой: *pokazujem, vidim, otvori mi, osjetim, vidjeti, ogoliti, spoznati, zavoljeti nečiju* (*показываю, вижу, открой мне, чувствую, видеть, обнажить, познать, полюбить чью-то*). Хотя некоторые из них не являются устойчивыми выражениями, в их основе все-таки находится то же самое представление о душе, которое лежит в основе определенных ФЕ с словом-компонентом *душа*. Далее, кроме устойчивых выражений и ФЕ, реакции респондентов включают некоторые единичные ответы, связанные с разными значениями концепта «ДУША» (религиозными представлениями, представлениями о душе как эмоциональном центре человека и т. п.).

В следующем задании респондентам предлагалось в дополнение к душе в функции подлежащего написать соответствующее сказуемое. Самыми частотными реакциями являются следующие глаголы: *boli, živi* (*болит, живет*; 5), *postoji* (*существует*, 4) и (*mi*) *plače* (*плачет*, 3). Дважды появляются реакции *leti, liječi, pjeva, putuje* (*летит, лечит, поет, путешествует*). Далее, даже 29 реакций являются единичными, а два респондента отказались ответить на вопрос. Кроме того, большинство реакций не связано с устойчивыми выражениями, а просто отражают некоторые представления о душе. Все это может указывать на то, что конструкция, в которой *душа* является подлежащим, не особенно выражена в сознании носителей хорватского языка. Из устойчивых выражений, реакции респондентов указывают на следующие: *duša me boli, duša mi plače, duša mi pjeva* (*душа болит у меня, душа плачет у меня, душа поет у меня*), которые относятся к сильным чувствам тревоги, грусти и счастья. Остальные реакции указывают на

представления о концепции человека (*upravlja osobom, čini čovjeka, je bit*), представления о душе как о локусе чувств (*osjeća, voli, tuguje*), а также на мифологические и религиозные представления (*preostaje nakon smrti, luta, putuje*)⁴³. Интересными могут показаться и реакции, в которых отражается когнитивная метафора ЛЮДИ — ЭТО РАСТЕНИЯ: *cvate* и *vene* (*цветет* и *вянет*). В общем, реакции респондентов в большей степени связаны с представлением о душе как об эмоциональном центре человека, а интересно то, что более частотными являются реакции, указывающие на негативные эмоции, чем реакции, указывающие на позитивные эмоции. Значит, из данных реакции можно прийти к выводу, что в сознании говорящих душа все-таки связывается и с болью и грусти, хотя результаты шкалирования являются неубедительными. Также интересными являются и реакции *razumije* и *zna* (букв. *понимает, знает*), поскольку они возможно указывают на присутствие в сознании двух респондентов представлении о том, что душа является локусом не только чувств и моральных процессов, а также других внутренних процессов человека. Об этом пишет и А. Вежбицкая, утверждая, что в русском языке душа является и локусом знаний, связанных с моральными, оценочными категориями (Wierzbicka 1992: 51). Конечно, в данном случае такой единичный ответ не может считаться убедительным доказательством присутствия данного представления в общем сознании носителей хорватского языка, но по крайней мере является интересным намеком на такую возможность.

Целью последних двух заданий является проверка, что находится в сознании носителей хорватского языка *в* душе, а что *на* душе, поскольку и в хорватском языке, как и в русском, *душа* сочетается с обоими этими предлогами. Важно напомнить, что некоторые респонденты отказались ответить на эти вопросы, три в первом задании, а четыре во втором. В душе, по мнению респондентов, находятся *mir* (*спокойствие*, 9), *ljubav* (*любовь*, 6), *spas, život* (*спасение, жизнь*; 4), *osjećaji, bol* (*чувства, боль*; 3), а также *dobrota, istina* (*доброта, истина*; 2). Одним из самых частотных ответов является и прилагательное *dobar* (*добрый*, 4), указывающее на устойчивое словосочетание *biti dobar u duši* (букв. *быть добрым в душе*). Остальные ответы указывают на то, что в душе находятся разные чувства (*любовь, боль и счастье*), затем психические, душевные состояния (*спокойствие, беспокойство, пустота*), а также моральные характеристики

⁴³ Букв.: *управляет человеком, образует человека, есть сущность; чувствует, любит, грустит; остается после смерти, бродит, путешествует.*

(доброта, истина, наше поведение). С другой стороны, на душе находятся *teret*, (*груз*, 8), *kamen* (камень, 6) *grijev* (*грех*, 4), а также *netko*, *rana* (*кто-то*, *рана*, 3). Многие реакции в этом задании указывают на ФЕ *imati na duši (savijesti) koga, što* и *na duši je (leži) što komu*⁴⁴, в образе которых находится представление о вине и тревоге как о грузе, камне, который давит и сжимает душу. Со значением вины связаны следующие реакции респондентов: *grijev, zločin, si mi, ti je netko, je netko koga povrijediš, jesu stvari za kojima žalimo, osoba, odgovornost, krivnja*, а с значением тревоги *rana, brige, bol*. Оба значения отражаются в реакциях *teret, kamen, težina*.⁴⁵ Значит, из реакций респондентов можно прийти к выводу, что в пространстве души находятся разные чувства, моральные характеристики и душевные состояния, в то время как на поверхности души находятся вина и тревога.

В последнем вопросе 15 респондентов определились дать еще одну реакцию на слово-стимул *душа*, уточняя свое представление об этом понятии. Самая большая группа данных реакций относится к религиозным представлениям о душе, но появляются и ответы, связанные с философией, функцией души, а также представлениями о душе как о моральном центре человека. Интересно и то, что в одном из ответов приводится ФЕ *duša od čovjeka*. Данный ответ подчеркивает присутствие ФЕ со словом-компонентом *душа* в сознании носителей хорватского языка, на которое указывают и реакции из предыдущего задания.

Результаты опроса показали, что концепт «ДУША» в хорватском языке является комплексным и многозначным. Подтвердилось, что в сознании носителей хорватского языка человек концептуализируется как существо, состоящее из тела и души, причем душа является более важной частью, локусом его человеческих характеристик. Также, респонденты подтвердили, что душа является эмоциональным и моральным центром человека, а в реакциях появились и намеки на то, что в душе происходят и другие внутренние процессы человека, причем они не связаны с логикой. Интересно, что респонденты с душой связывают прежде всего любовь, а в меньшей степени грусть и боль. С душой в некоторой степени связываются и психические состояния спокойствия и беспокойства. Из реакций респондентов видно и то, что в их сознании присутствуют ФЕ

⁴⁴ Букв.: *иметь на душе (совести) кого*, что 'быть виноватым за чье-то несчастье' и *на душе есть (лежит)* что у кого 'что-то постоянно тревожит кого-то'.

⁴⁵ Букв.: *грех, преступление, ты (у меня на душе), кто-то, тот, кому ты причинил боль, то, о чем мы жалуем, человек, ответственность, вина; рана, беспокойство, боль; груз, камень, тяжесть*.

со словом-компонентом *душа*. Далее, показалось, что религиозные, а также и славянские мифологические представления о душе все еще являются частью сознания респондентов. Значит, можно прийти к выводу, что в сознании носителей хорватского языка присутствуют религиозные и нерелигиозные представления о душе, что она является моральным и эмоциональным центром человека, а также и самой важной его частью.

4.4. Итоги опроса и сравнение с данными из «Русского ассоциативного словаря»

Результаты нашего опроса указывают на то, что в сознании носителей хорватского языка концепт «МЕДВЕДЬ» содержит, прежде всего, значения, связанные с характеристиками данного дикого животного. То же самое находится и в ядре русского концепта «МЕДВЕДЬ» по данным «Русского ассоциативного словаря», поскольку самое большое число реакций относится к ассоциативным полям внешнего вида и поведения медведя (*бурый, косоплый, лохматый, ревет*) а также образа жизни и питания медведя (*берлога, малина, в лесу*) (РАС 1 2002: 314). Интересным может показаться тот факт, что между реакциями носителей русского языка не появляются *мед* и *пчелы*, в то время как респонденты нашего опроса данные продукты и животные четко связывают с медведем. Но, носители русского языка с медведем связывают волка, что является интересным, поскольку образы волка и медведя считаются сродными в традиционной культуре, о чем свидетельствует и их взаимозаменяемость в разных обычаях, а также и во фразеологии. Значит, данные из РАС подтверждают, что древняя связь волка и медведя сохранилась в сознании современных носителей русского языка.

Пока в нашем опросе появляются реакции, связанные с представлением о медведе как о плюшевой игрушке, в РАС такой реакции не существует. Носители русского языка медведя связывают со сказками (*Маша и медведь*), с детскими играми (*во бору*), а также с традиционными табуированными именами медведя (*Миша, Иванович*). Далее, в то время как хорватские респонденты утверждают, что медведь является симпатичным и умным, а между свободными ассоциациями появляются и реакции, утверждающие его положительные антропоморфные характеристики и позитивные реакции человека, как, например *храбрый* и *милый*, носители русского языка медведю приписывают отрицательные реакции человека (*ужас*) и негативные антропоморфные черты (*буян, злой, тушица*). В то же время, респонденты нашего опроса согласны, что медведь

является умным, а одновременно считают его и милым и опасным. Значит, реакции респондентов возможно указывают на то, что в сознании носителей хорватского языка концепт «МЕДВЕДЬ» характеризуется более положительными значениями, чем в сознании носителей русского языка. Поскольку *медведь* настолько четко связывается с русской культурой, как носителями данной культуры, так и в представлении носителей других культур, такой результат является несколько неожиданным.

В «Русском ассоциативном словаре» появляется больше реакций, намекающих на ФЕ со словом-компонентом *медведь*, чем в реакциях респондентов нашего опроса, особенно если в счет включаются реакции на слово-стимул *медвежья*. В нашем опросе намеки на ФКМ можно увидеть прежде всего в шкалированных значениях. Особенно это видно в том, что достаточно много респондентов оценило медведя неуклюжим, а именно неуклюжесть медведя является образом, на котором строится ФЕ *medvjeda usluga* (*медвежья услуга*).

По реакциям респондентов нашего опроса можно прийти к выводу, что в сознании носителей хорватского языка с концептом «ХЛЕБ» связываются, прежде всего, обыденные значения. Иными словами, *хлеб* в сознании носителей языка воспринимается прежде всего как повседневная реалья, в то время как его богатые метафорические и символические значения являются вторичными. С другой стороны, в «Русском ассоциативном словаре» (РАС 1 2002: 708) самой частотной реакцией на слово-стимул *хлеб* является прилагательное *насущенный*, что свидетельствует, по словам Ковшовой, «об устойчивости культурного знания в «ближайшей» памяти носителей языка» (Ковшова 2010: 173). Данная реакция указывает на то, что в сознании носителей русского языка живо присутствует ФЕ *хлеб насущенный*, которая в то же время отсылается на хлеб как повседневную, материальную реалью, но также на хлеб в его религиозном, символическом значении (там же). Далее, в РАС появляются и другие намеки на ФЕ с самыми разными значениями. Например, реакция *и вода* указывает на ФЕ *сидеть на хлебе и воде*, в образе которой хлеб выступает как символ нищеты. Реакция *всему голова!* относится к пословице *Хлеб — всему голова!*, в которой присутствует значение хлеба как самого ценного, в то время как реакция *да соль* относится к ФЕ *хлеб да соль*, относящейся к гостеприимству. Данные значения можно найти и в других реакциях респондентов, не напрямую связанных с ФЕ. Например, реакции *драгоценность*, *береги*,

богатство, радость отражают значения хлеба как самого ценного, как богатства, в то время как реакции *корка, крошки* и *голод* возможно указывают на значение хлеба как символа нищеты. Далее, между реакциями присутствуют и те, указывающее на религиозные значения хлеба в христианстве (*Христос, святыня, вино*).

Сопоставляя данные реакции с реакциями респондентов нашего опроса, можно утвердить, что носители русского языка более четко связывают *хлеб* со значениями богатства и нищеты. Хотя данные значения очевидно также являются и частью хорватского концепта «ХЛЕБ», поскольку они ярко выражены в ФКМ хорватского языка, результаты нашего опроса указывают на то, что они по всей вероятности не настолько сильно проявляются в сознании носителей языка вне контекста фразеологии. С другой стороны, как ни странно, хотя в ФКМ хорватского языка не появляется значение гостеприимства, в сознании говорящих данное понятие считается частью концепта «ХЛЕБ». Далее, в реакциях хорватских респондентов присутствуют намеки на то, что частью значения концепта «ХЛЕБ» является домашний уют и теплота семьи, на что возможно указывает и несколько единичных реакций русских респондентов (*дом, мама, мать, отец, тепло*).

Хотя в сознании носителей обоих языков больше всего проявляются значения хлеба как повседневной реалии, о чем свидетельствует и частотность реакции *черствый, черный, свежий, белый, батон* и т. п. в «Русском ассоциативном словаре» (РАС 1 2002: 708), в реакциях носителей русского языка более частотными являются намеки на ФЕ, чем в реакциях носителей хорватского языка. Это в свою очередь возможно указывает на то, что ФЕ со словом-компонентом хлеб являются более выразительной частью сознания носителей русского языка, чем сознании носителей хорватского языка.

По результатам нашего опроса, концепт «ДУША» в сознании носителей хорватского языка толкуется как невидимая часть человека, часть человека, которая является важнее тела, локус эмоциональных и моральных процессов, а также других внутренних процессов человека. С душой связываются и религиозные и древнеславянские мифологические представления о душе, как, например, ее связь с потусторонним миром, а также ее «физические» свойства. По реакциям из РАС (РАС 1 2002: 185) можно прийти к выводу, что и в сознании носителей русского языка концепту «ДУША» приписываются те же самые значения. Например, реакции *тело, сердце,*

главное, человек и *я* относятся к значениям концепта «ДУША», связанным с концепцией человека в славяноязычных культурах. Данные реакции подтверждают, что в сознании носителей русского языка душа выступает невидимой частью человека, которая является более важной, чем его видимая часть (тело), о чем пишет и А. Вежбицкая (Wierzbicka 1992: 50). Также, присутствие реакции *сердце* свидетельствует о том, что и в сознании говорящих сердце как орган чувств сопоставляется душе.

Среди реакций носителей русского языка появляются и ассоциации, связанные с религиозными, а также общеславянскими мифологическими представлениями о душе, например *бессмертная, Бог, небо* и *пар*. В то время как реакции, относящиеся к христианским представлениям о душе являются практически теми же, что и реакции хорватских респондентов, связанные с религией, реакции, связанные с мифологическими представлениями несколько отличаются. Пока хорватские респонденты душу представляют себе в форме ветра и дерева, русский респондент упоминает пар, который также относится к славянским мифологическим представлениям о том, как выглядит или же из чего образована душа. Интересно, что между реакциями носителей русского языка нет ассоциаций, напрямую связанных с философскими представлениями о душе, в отличие от реакций носителей хорватского языка.

Далее, в «Русском ассоциативном словаре» появляются и реакции, указывающие на значения концепта «ДУША», связанные с ее свойствами и функциями, например *прекрасная, возвышенная, красивая* и *ориентир*. Примерно такие же реакции появляются и среди ассоциаций респондентов нашего опроса. Но, есть и некоторые различия. Пока в обоих случаях респонденты упоминают красоту как свойство души, хорватские респонденты во всех заданиях упоминают прозрачность, что отсутствует в реакциях носителей русского языка.

Реакции носителей русского языка также указывают на то, что в их сознании душа считается эмоциональным и моральным центром человека, например *радость, пустота, доброта* и *добрый*. Здесь интересным может показаться факт, что носители русского языка не назвали никаких конкретных чувств, кроме радости, в то время как хорватские респонденты довольно четко связали с душой прежде всего чувство любви. Данный факт возможно указывает на то, что в русской концепции не важно, какие именно виды чувств происходят в душе, а важны их характеристики. Имеем в виду

утверждение А. Вежицкой, что в *русской* душе находятся чувства с более четко выраженной моральной, этической и духовной характеристиками, чем те же самые виды чувств, локусом которых является сердце (там же). Значит, в сознании носителей русского языка, когда речь идет о концепте «ДУША», самым важным свойством данного эмоционального центра является не то, какие виды чувств в нем хранятся, а глубина и *душевность* этих чувств. В хорватском языке, с другой стороны, в душе также происходят не обычные, а сильные, интенсивные чувства, о чем свидетельствует ФКМ, но в то же время в сознании говорящих с душой четко связывается любовь.

Самые частотные реакции носителей русского языка на слово-стимул *душа* являются словами-компонентами ФЕ или же пословиц, например *болит, поет, нараспашку, в пятки, потемки, широкая и рожка*. Данный факт указывает на то, что ФЕ со словом-компонентом *душа* являются активной частью сознания говорящих, и что они ими наверное активно пользуются в общении. И в нашем опросе респонденты показали, что они знакомы с определенными ФЕ со словом-компонентом *душа*, но при этом нужно иметь в виду тот факт, что их реакции, указывающие на ФЕ, связаны с направленными ассоциациями, что в некоторой степени и повлияло на их ответы. С другой стороны, реакции носителей русского языка являются свободными ассоциациями, а это значит, что они без какого-либо внешнего воздействия реагировали на слово-стимул. Следовательно, хотя респонденты нашего опроса знакомы с некоторыми из ФЕ со словом-компонентом *душа*, а особенно с образами и значениями, которые находятся в их основе, можно прийти к выводу, что носители русского языка наверное более свободно и часто пользуются ФЕ, приведенными в их реакциях. Далее, их владение такими ФЕ указывает на то, что в их сознании присутствуют значения концепта «ДУША», отраженные в основе данных ФЕ. Имеем в виду представления о том, что никто не знает, что происходит в чужой душе, и то, что открыть свою душу другому человеку является положительным действием, о чем пишет и А. Вежицкая (там же: 58).

Интересным может показаться и то, что некоторые из реакций носителей русского языка связаны не с душой, а с душем, например: *в ведре, в кармане, вода, душ и алта*. Такие реакции наверное являются результатом фонетической близости этих двух слов, которые этимологически являются совсем не связанными, поскольку *душ* в значении «приспособления для обливания тела водяными струйками» (грамота.ру) является

заимствованием из французского языка. Данные реакции можно объяснить как случайную ошибку, т. е. респонденты просто не так прочитали слово-стимул, но также и как реальную реакцию, связанную со звуковыми характеристиками двух слов. И в данных, полученных от респондентов нашего опроса появляются такие «звуковые» реакции, но они уже не связаны с душем. Например, один из респондентов в задании с направленными ассоциациями словосочетание *душа и (кто)* дополнил реакцией *biša*, наверное просто по звуковой причине. Данное существительное может относиться к названию породы коров, а также к детскому диалектальному названию для живота, что является более вероятным. Далее, другой респондент в задании с словосочетанием, в котором *душа* выступает в роли подлежащего, написал реакцию *diše* (дышит), что наверное также связано прежде всего со звуковым сходством, которое в данном случае указывает и на этимологическую близость двух слов.

Сравнивая данные о трех выбранных концептах, полученные от носителей хорватского и русского языков, невозможно не заметить, что в сознании носителей этих двух языков ФКМ не отражается в той же степени. Имеем в виду тот факт, что реакции говорящих указывают на то, что носители русского языка более свободно пользуются ФЕ с словами-компонентами *медведь*, *хлеб* и *душа*, чем носители хорватского языка. Данные реакции намекают на уже замеченную общую тенденцию в двух языках, а именно на то, что в русском языке ФЕ более частотны в употреблении, чем в хорватском языке. Данную ситуацию часто объясняют тем, что в русскоязычных школах намного больше внимания и времени посвящается фразеологии, чем в хорватских школах. Иными словами, в отличие от их хорватских сверстников, русскоязычные дети с раннего возраста направленно усваивают ФЕ. О высоком уровне фразеодидактики в изучении русского языка как родного свидетельствует и большое число русских фразеологических словарей и книжек, направленных именно на детей. С другой стороны, сопоставимых фразеологических книг на хорватском языке не существует, и в преподавании хорватского языка как родного фразеология изучается не систематически. Следовательно, данные различия в употреблении ФЕ носителями хорватского и русского языков не удивительны.

В итоге можно сказать, что концепты «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» являются важной частью языковых картин мира русского и хорватского языков. Сравнивая реакции респондентов-носителей данных двух языков, можно прийти к выводу, что в сознании

говорящих отражаются достаточно похожие значения исследуемых нами концептов. В обоих языках с концептами «МЕДВЕДЬ» и «ХЛЕБ» связываются прежде всего ежедневные, денотативные значения. Самые частотные реакции на слово-стимул *медведь* относятся к характеристикам данного дикого животного, в то время как самые частотные реакции на слово-стимул *хлеб* относятся к хлебу как повседневной реалии. В сознании носителей обоих языков довольно ярко выступает и религиозное, христианское символическое значение хлеба. Далее, в сознании носителей обоих языков концепт «ДУША» толкуется как важнейшая часть человека и локус его внутренних процессов, а особенно эмоциональных и моральных. С данным концептом в равной мере в обоих языках также связываются религиозные и мифологические значения.

Несмотря на то, что значения исследуемых нами концептов в достаточно большой степени совпадают, реакции говорящих указывают и на некоторые несоответствия в том, какие значения более четко отражены в сознании носителей двух языков. По-видимому, концепт «МЕДВЕДЬ» в сознании носителей хорватского языка более четко связан с значениями медведя как героя мультфильмов, чем в сознании носителей русского языка, в то время как реакции носителей русского языка указывают на то, что большая часть данного концепта в их сознании состоит из значений, связанных с традиционными культурными представлениями. Далее, в сопоставлении двух языков показалось, что в сознании носителей русского языка с концептом «ХЛЕБ» более четко связаны все фразеологические значения *хлеба*, чем в сознании носителей хорватского языка, которые не активно связывают *хлеб* со значениями драгоценности и нищеты. Кроме того, можно утвердить, что носители русского языка более знакомы с ФКМ своего языка и наверное более активно пользуются ФЕ с словом-компонентом в обыденной речи. То же самое можно сказать и о концепте «ДУША», с которым в сознании носителей русского языка ФКМ также более четко связывается, чем в сознании носителей хорватского языка.

В нашем исследовании показалось, что данные концепты действительно являются значимыми в обеих культурах. Парафразируя М.Л. Ковшову, можно сказать, что символические, культурные и духовные значения концептов «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» являются живой частью сознания говорящих хорватского и русского языков, и «что восприятие сказанного в обыденной речи осуществляется „с подключением“ культурных смыслов, усложняющих, углубляющих содержание сказанного.» (Ковшова

2010: 173). Именно поэтому важно принимать во внимание некоторые различия между данными концептами, установленные в данной работе. Хотя они являются в некоторой степени похожими в двух генетически близких языках, все-таки между ними существуют и различия, нюансы которых могут показаться важными в обстановке межкультурной коммуникации.

5. Заключение

В данной работе проведен сопоставительный анализ концептов «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в русском и хорватском языках. Как представители семантических категорий *животные*, *еда* и *соматизмы*, данные концепты являются важными в изучении языка. Именно эти категории являются самыми близкими человеку, и поэтому они играют важную роль в процессах концептуализации и категоризации, что отразилось и в языке. На важность именно *медведя*, *хлеба* и *души* в двух интересующих нас лингвокультурах указывает и множество символических и метафорических значений данных языковых единиц, их продуктивность во фразеологии, а также множество обычаев и верований традиционной общеславянской культуры, связанной с ними.

На основе собранных культурных и языковых данных, а также результатов уже проведенных лингвистических исследований, в данной работе дается обширный лингвокультурологический анализ исследуемых концептов. Из результатов анализа можно прийти к выводу, что в концептах «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в русском и хорватском языках в некоторой степени отражены элементы общеславянской традиционной культуры. Все-таки, анализом также установилось, что между данными концептами существуют и определенные культурно обусловленные различия, отражающиеся в национальных культурах, в том числе в русской и хорватской ЯКМ.

После проведенного лингвокультурологического анализа, на основе его результатов построен опрос для носителей хорватского языка с целью определения значений, присутствующих в сознании говорящих. Обработанные результаты данного опроса были сопоставлены с данными из «Русского ассоциативного словаря», чтобы установить сходства и различия между значениями исследуемых нами концептов в сознании носителей двух языков, и, следовательно, в ЯКМ русского и хорватского языков.

По результатам лингвокультурологического анализа, в концепте «МЕДВЕДЬ» в русском языке особенно сильно отражаются традиционные представления об этом диком животном. Медведь является традиционным персонажем русского фольклора, а также и тотемным животным, выступающим символом силы, здоровья и плодородия, о чем свидетельствуют и многие обычаи и поверья традиционной русской культуры. С другой стороны, о важности медведя в хорватской культуре свидетельствуют разные топонимы,

этимологически связаны с медведем, а также продукты, символы, детские рассказы и мультфильмы с образом медведя. В отличие от русской культуры, в хорватской культуре медведь не связывается с национальной идентичностью. В лингвокультурологическом анализе медведя особенно интересными показались несколько противоположные значения, которые достаточно четко выражены в хорватской ЯКМ. Речь идет о более современных представлениях о медведе, связанных с мультфильмами и игрушками, в сопоставлении с представлениями о медведе как о реальном диком животном.

По результатам нашего опроса, в сознании носителей хорватского языка в концепте «МЕДВЕДЬ» наиболее четко выражаются значения, связанные с медведем как диким животным. На то же самое указывают и реакции из «Русского ассоциативного словаря». С другой стороны, реакции носителей русского языка указывают и на то, что в их сознании сохраняются древние и традиционные представления о медведе. Далее, в сознании носителей хорватского языка четко выражаются значения, связанные с медведем как игрушкой и героем мультфильмов, в то время как в сознании носителей русского языка, по данным «Русского ассоциативного словаря» таких представлений не существует. Важно напомнить и то, что в представлении носителей русского языка значения концепта «МЕДВЕДЬ» более ясно связываются с ФКМ, чем в сознании носителей хорватского языка.

Результаты нашего лингвокультурологического анализа указывают на то, что в концепте «ХЛЕБ» в обоих языках присутствуют те же значения хлеба как повседневной реалии, как самой высокой ценности, символа достатка, метафорического представления работы и труда. В обеих культурах хлеб связывается и с религиозными представлениями, особенно с христианством, в котором хлеб выступает как связь с трансцендентным миром и Богом. Поэтому хлеб в общеславянской культуре и считается даром Божиим. Но хлеб и в русском и в хорватском языках выступает и в противоположном значении, символизируя нищету и бедность. Данные противоположные смыслы богатства и нищеты особенно четко выражены в ФКМ обоих языков. Далее, как магическая реальия в общеславянской культуре хлеб является частью разных обрядов и обычаев. Обычай угощения гостей хлебом и солью, связанный с гостеприимством как ценной категорией общеславянской культуры, отразился и в ФКМ русского языка. В ФКМ обоих языков

хлеб также выступает в ряду ФЕ, значение которых связано с категориями труда и работы.

Сопоставляя результаты нашего опроса с данными из «Русского ассоциативного словаря» можно прийти к выводу, что в сознании носителей обоих языков концепт «ХЛЕБ» в приблизительно той же степени связывается со значениями повседневной реалии, а также с символическими значениями хлеба в христианском представлении. Далее, данные из РАС указывают на то, что в сознании носителей русского языка ярко выражены все символические значения хлеба, вычисленные в нашем лингвокультурологическом анализе. С другой стороны, результаты нашего опроса указывают на то, что в сознании носителей хорватского языка хлеб не связывается ни с богатством ни с нищетой, несмотря на то, что данные значения являются важной частью ФКМ хорватского языка. В то же время показалось, что носители хорватского языка концепт «ХЛЕБ» связывают с гостеприимством, хотя в современной ФКМ хорватского языка не существует ФЕ, в которых хлеб употребляется в таком значении. Важно напомнить и то, что по реакциям носителей двух языков можно прийти к выводу, что ФЕ со словом-компонентом *хлеб* являются более выразительной частью сознания носителей русского языка, по сравнению с сознанием носителей хорватского языка.

Лингвокультурологический анализ указывает на то, что в концепте «ДУША» отражаются представления о концепции человека в общеславянской народной антропологии, которая особенно отразилась в русском языке. Душа толкуется как невидимая, не-физическая часть человека, бинарная оппозиция телу, а она является локусом чувств, моральных процессов и вообще внутренних процессов человека. Как в русском, так и в хорватском языке *душа* является продуктивным словом-компонентом во фразеологии, а в ФКМ отражаются разные значения данного концепта. Особенно четко выражены значения души как локуса чувств и моральных процессов. В русском языке также важной частью концепта «ДУША» является ее скрытность от других людей, причем добровольное открытие собственной души считается положительным действием. На такие значения души намекают и некоторые ФЕ в хорватском языке.

Результаты нашего опроса, а также данные из «Русского ассоциативного словаря» указывают на то, что в сознании носителей обоих языков концепт «ДУША» толкуется как важнейшая часть человека и локус его внутренних процессов, а особенно эмоциональных

и моральных. Носители обоих языков также в равной мере связывают религиозные и мифологические значения с данным концептом. Реакции носителей хорватского языка подтверждают важность концепта «ДУША» в хорватском языке, особенно в контексте души как эмоционального и морального центра. В сравнении с данными из «Русского ассоциативного словаря» интересным показалось то, что с душой хорватские респонденты связывают определенные виды чувств, в первую очередь *любовь*, в то время как реакции носителей русского языка указывают на то, что с душой не связываются какие-либо конкретные виды чувств. С другой стороны, сравнивая реакции носителей двух языков снова показалось, что в сознании носителей русского языка более ярко выражается ФКМ, чем в сознании носителей хорватского языка, которые знакомы с ФКМ на более пассивном уровне.

В итоге данного исследования можно сказать, что концепты «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» оказались действительно важной частью ЯКМ обоих языков. В процессе анализа утвердилось, что их значения в двух лингвокультурах в некоторой степени совпадают, но также показалось, что существуют и определенные различия. Проведением опроса с носителями хорватского языка и сопоставлением его результатов с данными из «Русского ассоциативного словаря» очерчена более ясная картина значений, которые являются частью концептов «МЕДВЕДЬ», «ХЛЕБ» и «ДУША» в хорватском и русском языках.

6. Список литературы

- Алефиренко, Николай Федорович; Семенов, Наталия Николаевна. 2009. *Фразеология и паремология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования*. Москва: Флинта, Наука.
- Алефиренко, Николай Федорович. 2010. *Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие*. Москва: Флинта, Наука.
- Алефиренко, Николай Федорович. 2014. *Методологические аксиомы и гипотезы современной лингвокультурологии*. *Филология и культура*, (4 (38)), 11–16. дата обращения: 3 января 2019. режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aksiomy-i-gipotezy-sovremennoy-lingvokulturologii>
- Воробьев, Владимир Васильевич. 2006. *Лингвокультурология*. Москва: Издательство Российского университета дружбы народов.
- Драгичевић, Рајна. 2010. *Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.
- Драгићевић, Рајна. 2015. *Укритања когнитивне лингвистике и лингвокултурологије*. В SPEECH AND LANGUAGE 2015, 5th International Conference on Fundamental and Applied Aspects of Speech and Language. Редакторы: Mirjana Sovilj, Miško Subotić, Belgrade: Life activities advancement center, The Institute for Experimental Phonetics and Speech Pathology.
- Ковшова, Мария Львовна. 2010. *Лингвокультурологический анализ и ассоциативный эксперимент во взаимодействии: на примере фразеологизмов со словом-компонентом хлеб*. *Вопросы психолингвистики*, (12), 165-175. дата обращения: 9 апреля 2021. режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-analiz-i-assotsiativnyy-eksperiment-vo-vzaimodeystvii-na-primere-frazeologizmov-so-slovom-komponentom-hleb>

- Ковшова, Мария Львовна. 2012. *Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры*. Москва: УРСС.
- Лакофф, Джордж; Джонсон, Марк. (1980) 2004. *Метафоры, которыми мы живем*. Пер. С англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой. Под редакцией и с предисловием А.Н. Баранова. Москва: УРСС.
- Маслова, Валентина Авраамовна. 2001. *Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений*. Москва: Издательский центр «Академия».
- Махмутова, Л. Ф., и Ушакова, Н. В. 2012. *Медведь как символ России и как политический образ на Западе*. Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания, (10-1), 109-115. дата обращения 15 февраля 2023. режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/medved-kak-simvol-rossii-i-kak-politicheskiy-obraz-na-zapade>
- Романова, Юлия Робертовна. 2018. *Образ медведя как важная составляющая русской ментальности*. Огни над Бией №42. дата обращения: 2 февраля 2023. режим доступа: <https://журнальныймир.рф/content/obraz-medvedya-kak-vazhnaya-sostavlyayushchaya-russkoj-mentalnosti>
- Телия, Вероника Николаевна. 1996. *Русская фразеология*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Уфимцева, Наталья Владимировна. 2016. *Языковая картина мира: проблемы моделирования*. Вопросы психолингвистики, (1 (27)), 238-249. дата обращения: 10 марта 2023. режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-problemy-modelirovaniya>
- Varčot, Branka. 2017. *Lingvokulturologija i zoonimska frazeologija*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.
- Hrnjak, Anita. 2007. *Kulinarski elementi u hrvatskoj i ruskoj frazologiji*. Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 33 (1), 197-216.
- Ladan, Tomislav. 2006. *Etymologicon. Tumač raznovrsnih pojmova*. Zagreb: Masmedia.
- Lakoff, George. 2018. *Ten Lectures on Cognitive Linguistics*. Boston: Brill. Leiden.

Pintarić, Neda. 2009. *Kruh u hrvatskoj i poljskoj pragmalingvistici*. U: Sesar, D. (ur.) *Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim*. Zagreb: FF press, str. 215-220.

Rohrer, Tim. 2007. *Embodiment and Experientialism*. In: *The Oxford Handbook on Cognitive Linguistics*, edited by Geeraerts, Dirk, and Cuyckens, Hubert. Oxford University Press.

Štrkalj Despot, Kristina; Skrynnikova, Inna; Ostanina-Olszewska, Julia. 2012. *Cross-linguistic Analysis of Metaphorical Conceptions of ДУША/DUSZA/DUŠA ('soul') in Slavic Languages (Russian, Polish, and Croatian)*. In: *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society 38*. DOI: <https://doi.org/10.3765/bls.v38i0.3347>

Wierzbicka, Anna. 1992. *Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford University Press.

Словари и справочники

БПС: *Большой психологический словарь*. Под ред. Мещерякова, Бориса Гурьевича и Зинченко, Владимира Петровича. 2003. Санкт-Петербург: прайм-ЕВРОЗНАК; Москва: ОЛМА-Пресс.

РАС: *Русский ассоциативный словарь. В 2 томах. Т. 1 От стимуля к реакции: Ок. 7000 стимулов*. (Караулов, Ю.Н., Черкасова, Г.А., Уфимцева, Н.В., Сорокин, Ю.А., Тарасова, Е.Ф.) 2002. Москва: Издательство Астрель, Издательство АСТ.

СДЭС: *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах* (под ред. В.Я. Петрухина, Т.А. Агапкиной, Л.Н. Виноградовой, С.М. Толстой) 1995. Москва: Эллис Лак.

СлавМиф: *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. (от. ред. С.М. Толстая). 2002. Москва: Международные отношения

Телия 2009: *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. (от. Ред. В.Н. Телия) 2009. Москва: АСТ-ПРЕСС.

Anić, Vladimir. 1998. *Rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb: Novi Liber.

Matešić, Josip. 1982. *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Zagreb: Školska knjiga.

Menac, Antica; Fink-Arsovski, Željka; Venturin, Radomir. 2003. *Hrvatski frazeološki rječnik*. Zagreb: Naklada Ljevak.

RHAF: Vidović Bolt, Ivana; Barčot, Branka; Fink Arsovski, Željka; Kovačević, Barbara; Pintarić, Neda; Vasung, Ana. 2017. *Rječnik hrvatskih animalističkih frazema*. Zagreb: Školska knjiga.

Интернет източници

Словари и енциклопедији на Академике. Режим доступа: <https://dic.academic.ru>

Грамота.ру. Режим доступа: <http://gramota.ru/>

Библија онлајн. Режим доступа: <https://bible.by/>

Hrvatski jezični portal. Режим доступа: <https://hjp.znanje.hr/>

Kolokacijska baza hrvatskog jezika. Режим доступа: <http://ihjj.hr/kolokacije/>

Hrvatski mrežni korpus: hrWaC. Режим доступа: www.sketchengine.eu/hrwac-croatian-corpus/

7. Приложения

7.1. Приложение А – Анкет

DEMOGRAFSKI PODACI

1. Spol

M / Ž / Drugo

2. Dob

3. Koji fakultet pohađate?

4. U kojoj ste županiji odrasli?

UPUTE

Pitanja u nastavku odnose se na vašu mentalnu sliku navedenih pojmova, a ne na znanstvene spoznaje o njima. U pitanjima se kao odgovor traže vaše prve asocijacije. Ne postoje točni i netočni odgovori jer je cilj upitnika doznati kakve predodžbe o navedenim pojmovima postoje u svijesti izvornih govornika hrvatskoga jezika.

KONCEPT MEDVJED

1. Pomislite na MEDVJEDA i zapišite svoju prvu asocijaciju.

2. Ponovno u mislima dočarajte svoju mentalnu sliku MEDVJEDA. Kakav je medvjed na vašoj slici?

a) Koje je boje medvjed u vašoj slici?

i) bijele

ii) smeđe

iii) drugo

b) Je li medvjed u vašoj slici dio životinjskog svijeta?

Da / Ne

3. Na sljedećoj ljestvici označite koja od ponuđenih riječi bolje odgovara vašoj slici medvjeda (na primjer, 1 je najbliže nezgrapnom, a 5 najbliže spretnom).

NEZGRAPAN	1	2	3	4	5	SPRETAN
SNAŽAN	1	2	3	4	5	SLAB
NESIMPATIČAN	1	2	3	4	5	SIMPATIČAN
OPASAN	1	2	3	4	5	SLADAK
OŠTRODLAK	1	2	3	4	5	MEKAN
MALEN	1	2	3	4	5	VELIK
PAMETAN	1	2	3	4	5	GLUP

4. Postoji li nešto što vežete uz pojam MEDVJEDA što nije navedeno u ovom upitniku?

KONCEPT KRUH

1. Pomislite na KRUH i zapišite svoju prvu asocijaciju.

2. Na sljedećoj skali označite u kojoj mjeri navedene riječi odgovaraju vašoj mentalnoj slici KRUHA.

(1 = nimalo, 2 = donekle, 3 = niti odgovara niti ne odgovara, 4 = u velikoj mjeri odgovara, 5 = u potpunosti odgovara)

SIROMAŠTVO	1	2	3	4	5
BOGATSTVO	1	2	3	4	5
GOSTOPRIMSTVO	1	2	3	4	5
SVETINJA	1	2	3	4	5
SVAKODNEVNO	1	2	3	4	5
MISTIČNO	1	2	3	4	5

3. Postoji li nešto što vežete uz KRUH što nije navedeno u ovom upitniku?

KONCEPT DUŠA

1. Pomislite na DUŠU i zapišite svoju prvu asocijaciju.

2. Na sljedećoj ljestvici označite u kojoj mjeri ponuđene riječi odgovaraju vašoj slici DUŠE.

(1 = nimalo ne odgovara, 2 = donekle odgovara, 3 = niti odgovara niti ne odgovara, 4 = u velikoj mjeri odgovara, 5 = u potpunosti odgovara)

DOBRO	1	2	3	4	5	
ZLO		1	2	3	4	5
LJUBAV		1	2	3	4	5
BOL		1	2	3	4	5
LOGIKA		1	2	3	4	5
OSJEĆAJI		1	2	3	4	5
ŽIVOT		1	2	3	4	5
SMRT		1	2	3	4	5
TUGA		1	2	3	4	5
BESMRTNOST		1	2	3	4	5
NEPOZNATO		1	2	3	4	5
DUBOKO		1	2	3	4	5

3. Pročitajte sljedeće rečenice i na prazna mjesta upišite prvu riječ ili riječi kojih se sjetite.

DUŠA i _____ (tko, što)

(kakva) _____ DUŠA

_____ DUŠU (upisati glagol; npr. vidjeti)

DUŠA _____ (radi što?)

U DUŠI _____ (je što)

Na DUŠI _____ (je što)

4. Postoji li nešto što vežete uz DUŠU što nije navedeno u ovom upitniku?

7.2. Приложение Б — Демографические данные

54 респондента

Пол			Возраст		
Женщины	48	88,9%	20	2	3,7%
Мужчины	6	11,1%	21	8	14,8%

	22	24	44,5%
	23	8	14,8%
	24	6	11,2%
	25	6	11,2%
Факультеты, посещаемые студентами-респондентами	Родные регионы студентов-респондентов		
Filozofski fakultet u Zagrebu (25) 46,3% Veterinarski fakultet (5) 9,3% Učiteljski fakultet (4) 7,4% Geodetski fakultet (4) 7,4% Ekonomski fakultet u Zagrebu (2) 3,7% Pravni fakultet u Zagrebu (2) 3,7% Hrvatsko katoličko sveučilište (2) 3,7% Građevinski fakultet (2) 3,7% Visoka škola za informacijske tehnologije (1) 1,9% Fakultet hrvatskih studija (1) 1,9% Fakultet kemijskog inženjerstva (1) 1,9% Medicinski fakultet (1) 1,9% Edukacijsko-rehabilitacijski fakultet (1) 1,9% Libertas (1) 1,9% Prehrambeno-biotehnoški fakultet (1) 1,9% FTIDI (1) 1,9%	Grad Zagreb (27) 50% Zagrebačka županija (9) 16,7% Dubrovačko-neretvanska (4) 7,4% Koprivničko-križevačka (3) 5,6% Istarska (2) 3,7% Požeško-slavonska (2) 3,7% Karlovačka (2) 3,7% Vukovarsko-srijemska (2) 3,7% Šibensko-kninska (1) 1,9% Zadarska (1) 1,9% Sisačko-moslavačka (1) 1,9% Krapinsko-zagorska (1) 1,9%		

7.3. Приложение В — Обработанные результаты

МЕДВЕДЬ

1. Свободные ассоциации

šuma 7; med, životinja 5; smeđe; smeđi medvjed 3; (medo) Brundo; 5 kuna; smeđa boja; 2; debljina; divljina; grizli; hrabar; kandže; košnica na stablu; krzno; lički; Lika; medvjed na kovanici od 5 kn; plišanac; Putin; sladak; smeđa; smeđa životinja; smeđe, strah; Tri medvjeda i gitara; zimski san; zubi, zvijer; Velika životinja s puno dlaka; Velika smeđa životinja; Velika smeđa opasna životinja; velika krznata životinja; velika životinja smeđe boje; Smeđa, velika, kuštrava životinja; Američki smeđi medvjed u šumi; Veliki smeđi medvjed u šumi, hoda na četiri noge na zelenoj travnatoj površini; Smeđi čupavi sjedi ima crvenu maramu oko vrata **1 (61 + 38 + 0 + 30)**

-> 6 толкований; 2 картины, 3 множественных ответа

Ассоциативное поле*	Реакции
Внешний вид,	smeđi medvjed, smeđe 3; smeđa boja 2; američki smeđi

разновидности медведя, части тела	medvjed u šumi; debljina; grizli; kandže; krzno, smeđa; zubi 1
Питание, место обитания, образ жизни	šuma 7 ; med 4 ; divljina; zimski san 1
Другие животные, классификация	životinja 5 ; košnica na stablu, zvijer 1
Прецедентные тексты и имена	(medo) Brundo 2 ; Tri medvjeda i gitara 1
Чувства и реакции человека	strah, sladak 1
Символ, логотип	5 kuna 2 ; medvjed na kovanici od 5 kn 1
Предмет	plišanac 1
Человек	Putin 1
Топонимы	Lika 1
Антропоморфные черты и деятельности	hrabar 1
Толкование	Velika životinja s puno dlaka; Velika smeđa životinja; Velika smeđa opasna životinja; velika krznata životinja; velika životinja smeđe boje; Smeđa, velika, kuštrava životinja 1
Картины	Smeđi čupavi sjedi ima crvenu maramu oko vrata; Veliki smeđi medvjed u šumi, hoda na četiri noge na zelenoj travnatoj površini 1
Возможные намеки на ФЕ	lički 1

* Данные ассоциативные поля частично основываются на ассоциативных полях, вычисленных Б. Барчот (Barčot 2017: 129–131).

2. Какого цвета медведь в вашей мысленной картине?

- а) бурого — 53 респондента (98,1%)
б) белого — 0
в) другого: 1 респондент (1,9%) — черного

3. Является ли медведь в вашей мысленной картине частью мира животных?

- Да — 53 респондента (98,1%)
Нет — 1 респондент (1,9%)

4. Шкалирование значений

Антонимическая пара	NEZGRAPAN – SPRETAN			SNAŽAN – SLAB		
Буквальный перевод	(неуклюжий — ловкий)			(сильный — слабый)		
Результаты	1 (3); 2	3 (20)	4 (9); 5 (6)	1 (33); 2	3 (1)	4 (5); 5 (6)

(перечисленные)	(16)			(9)		
	35,19%	37,04%	42,86%	77,78%	1,85%	20,37%
среднее	2,98			1,93		
медиана	3			1		
мода	3			1		

Антонимическая пара	NESIMPATIČAN – SIMPATIČAN			OPASAN – SLADAK		
Буквальный перевод	(несимпатичный — симпатичный)			(опасный — милый)		
Результаты (перечисленные)	1 (2); 2 (4);	3 (13)	4 (15); 5 (20)	1 (12); 2 (13)	3 (9);	4 (9); 5 (11)
	11,11%	24,07%	64,82%	46,30%	16,67%	37,04%
среднее	3,87			2,89		
медиана	4			3		
мода	5			2		

Антонимическая пара	OŠTRODLAK – MEKAN			MALEN – VELIK		
Буквальный перевод	(жесткошерстный — мягкий)			(маленький — большой)		
Результаты (перечисленные)	1 (12); 2 (9)	3 (12)	4 (10); 5 (11)	1 (1); 2 (1);	3 (2)	4 (15); 5 (35)
	38,89%	22,22%	38,89%	3,70%	3,70%	92,59%
среднее	2,98			4,52		
медиана	3			5		
мода	1/3			5		

Антонимическая пара	PAMETAN – GLUP		
Буквальный перевод	(умный — глупой)		
Результаты (перечисленные)	1 (13); 2 (20)	3 (12)	4 (8); 5 (1)
	61,11%	22,22%	16,67%
среднее	2,34		

медиана	2
мода	2

5. Есть ли что-то еще, что вы ассоциируете с медведем, а что не приведено в данном анкете?

Свободные ответы:

med **3**; crtići, šuma **2**; 5 kuna; brlog; brz; da živi i kreće se u šumi; duge kandže i oštri zubi; glasan je; litica; lov; Macolu; med i pčele; moć; nježan; odgovornost; samotna životinja; velike planine i šume; zamišljam ga u šumi; zvijer; zaštitnički nastrojen **1 (26 + 19 + 29 + 23)**

Категории	Реакции
Внешний вид, разновидности медведя, части тела, поведение	brz; duge kandže i oštri zubi; glasan je 1
Питание, место обитания, образ жизни	med 4 ; šuma 2 ; brlog; velike planine i šume; zamišljam ga u šumi 1
Другие животные, классификация	pčele, zvijer 1
Прецедентные тексты, часть культуры	crtići 2
Символ, логотип	5 kuna
Топонимы, места	Macolu
Антропоморфные черты и деятельности	Lov*; moć; odgovornost; nježan; samotna životinja; zaštitnički nastrojen

* Данный ответ можно отнести к категории антропоморфных деятельностей, и к категории образа жизни медведя.

ХЛЕБ

1. Свободные ассоциации

hrana **15**; bijeli, toplina **3**; hrskav, korica, mekoća, pekara, pekarnica **2**; crni, Dan kruha, domaći, dom, gluten, ide uz sve, ispod peke, Krist, kruh iz pekare, kukuruzni kruh, mekan, novac, objed, okus, osnovna namirnica, pogača, polubijeli, sendvič, slika kruha, stol; svakodnevna jestvina, štruca kruha, vino; Bijeli kruh u košari sa ostalim pecivima na stolu; Napola narezana štruca bijelog kruha na dasci za rezanje (tako da je vidljiva unutrašnjost); Veliki bijeli s onim brazdama na sebi; Točkasta tekstura kruha; Prva asocijacija su mi miris i okus vrućeg kruha. Kruh koji zamišljam je također malo prepečen, smeđ i okrugao. Na vrhu ima znak križa **1 (59 + 37 + 0 + 29)**

-> **5 картин; 4 многократных ответа**

Ассоциативное поле	Реакции
Виды, части и свойства хлеба	Bijeli, toplina 3 ; hrskav, korica, mekoća 2 ; crni, domaći, gluten, ide uz sve, ispod peke, kruh iz pekare, kukuruzni kruh, mekan, okus, pogača, polubijeli, štruca kruha, točkasta tekstura kruha 1
Гипероним, толкование	hrana 15 , objed, osnovna namirnica, svakodnevna jestvina 1
Картина	Veliki bijeli s onim brazdama na sebi; Bijeli kruh u košari sa ostalim pecivima na stolu; Napola narezana štruca bijelog kruha na dasci za rezanje (tako da je vidljiva unutrašnjost); Prva asocijacija su mi miris i okus vrućeg kruha. Kruh koji zamišljam je također malo prepečen, smeđ i okrugao. Na vrhu ima znak križa
Лицо	Krist 1
Предмет	novac, slika kruha, stol 1
Другая еда и питье	sendvič, vino 1
Место	pekara, pekarnica, 2 ; dom 1
Праздник	Dan kruha 1
*Возможный намек на ФЕ	novac, pogača

2. Шкалирование значений:

	SIROMAŠTVO			BOGATSTVO		
Буквальный перевод	нищета			богатство		
Результаты (перечисленные)	1 (18); 2 (8)	3 (18);	4 (8); 5 (2)	1 (10); 2 (10)	3 (25)	4 (4); 5 (5)
	48,15%	33,33%	18,51%	37,04%	46,29%	16,67%
среднее	2,41			2,70		
медиана	3			3		
мода	1/3			3		

	GOSTOPRIMSTVO			SVETINJA		
Буквальный перевод	гостеприимство			святыня		
Результаты (перечисленные)	1 (2); 2 (2)	3 (20)	4 (17); 5 (13)	1 (10); 2 (8)	3 (15)	4 (8); 5 (13)
	7,41%	37,04%	55,54%	33,33%	27,78%	38,89%
среднее	3,69			3,11		

медиана	4	3
мода	3	3

	SVAKODNEVNO			MISTIČNO		
Буквальный перевод	бытовое			мистическое		
Результаты (перечисленные)	1 (0); 2 (7);	3 (11);	4 (11); 5 (25)	1 (42); 2 (6)	3 (5)	4 (0); 5 (1)
	12,96%	20,37%	66,67%	88,89%	9,26%	1,85%
среднее	4			1,37		
медиана	4			1		
мода	5			1		

3. Есть ли что-то еще, что вы ассоциируете с хлебом, а что не приведено в данном анкете?

Свободные ответы:

Fraza "trbuhom za kruhom" koja u mojim mislima budi sliku debeljuškaste žene koja trči za okruglim kruhom koji se kotrlja niz brežuljak.

Bog, da je hrana, debljanje, dobrota, dom, dom i obitelj, domaći /kupljeni kruh, hrskav, Kristovo tijelo, mekan, mekoća, miris, mrvice, nužan, obitelj, obrok, stare ljude, vjera (20 + 20 + 35 + 20)

Ассоциативное поле	Реакции
Семья	dom; dom i obitelj, obitelj
Религиозные представления	Bog; Kristovo tijelo, vjera
Фразеология	dobrota; Fraza "trbuhom za kruhom" koja u mojim mislima budi sliku debeljuškaste žene koja trči za okruglim kruhom koji se kotrlja niz brežuljak.
Свойства и части хлеба	da je hrana, domaći /kupljeni kruh, hrskav, mekan, mekoća, miris, mrvice, obrok
Образ жизни человека	debljanje; nužan
Человек	Stare ljude

ДУША

Свободные ассоциации:

tijelo **4**; duh, srce, vjera, život **3**; ljubav, smrt **2**; bijelo, besmrtnost, Bog, čovjek, dio tijela, dobrota, duhovno, filozofija, istina, Isus, ja, kako te baka zove, ljudskost, misterij, nadljudski, nebo, nedodirljivo, nešto divno i lijepo, ogledalo čovjeka, osoba, osobina dobrog čovjeka, prozirno, prozirnost, psiha, reinkarnacija, religija, srce drapajući citati, Toma Akvinski, vječna; ono što nas čini, kao nevidljiva srž; pogled na sebe iz ptičje perspektive; stablo vrbe na zelenoj travnatoj čistini usred šume; vizualno zamišljam nekakav duh ili vjetar koji formira oblik čovjeka **1 (53 + 40 + 1 + 33)**

-> **3** картины, **1** толкование; нет многочисленных единичных ассоциаций

Ассоциативное поле	Реакции
Концепция человека, тело, части тела	tijelo 4 ; život, srce 3 ; smrt 2 ; ja, dio tijela, čovjek, osoba, ogledalo čovjeka 1
Внешний вид, свойства функции души	besmrtnost, bijelo, misterij, nadljudski, nedodirljivo, nešto divno i lijepo, prozirno, prozirnost, psiha, vječna 1
Религиозные представления	duh, vjera 3 ; Bog, duhovno, Isus, nebo, reinkarnacija, religija 1
Философские представления	filozofija, istina, Toma Akvinski 1
Чувства, эмоции	ljubav 2
Моральный центр	dobrota, ljudskost, osobina dobrog čovjeka 1
Общение, коммуникация	kako te baka zove, srce drapajući citati 1
Картина	Stablo vrbe na zelenoj travnatoj čistini usred šume; Pogled na sebe iz ptičje perspektive; vizualno zamišljam nekakav duh ili vjetar koji formira oblik čovjeka
Толкование	Ono što nas čini, kao nevidljiva srž 1

2. Шкалирование значений — шкала Лайкерта

	DOBRO			ZLO		
Буквальный перевод	добро			зло		
Результаты (перечисленные)	1 (2); 2 (0);	3 (5)	4 (11); 5 (36)	1 (41); 2 (8)	3 (4)	4 (1); 5 (0)
	37,04%	9,26%	87,04%	90,74%	7,41%	1,85%
среднее	4,46			1,35		
медиана	5			1		
мода	5			1		

	LJUBAV			BOL		
Буквальный перевод	любовь			боль		
Результаты (перечисленные)	1 (1); 2 (0)	3 (12)	4 (10); 5 (31)	1 (9); 2 (7)	3 (13)	4 (11); 5 (14)
	1,85%	22,22%	75,93%	29,63%	24,07%	46,30%
среднее	4,30			3,26		
медиана	5			3		
мода	5			5		

	LOGIKA			OSJEĆAJI		
Буквальный перевод	логика			чувства		
Результаты (перечисленные)	1 (24); 2 (14)	3 (10)	4 (5); 5 (1)	1 (1); 2 (1)	3 (5)	4 (12); 5 (35)
	70,37%	18,52%	11,11%	3,70%	9,26%	87,04%
среднее	1,98			4,46		
медиана	2			5		
мода	1			5		

	ŽIVOT			SMRT		
Буквальный перевод	жизнь			смерть		
Результаты (перечисленные)	1 (0); 2 (3)	3 (7)	4 (10); 5 (34)	1 (6); 2 (6)	3 (10)	4 (6); 5 (26)
	5,56%	12,96%	81,48%	22,22%	18,52%	59,26%
среднее	4,39			3,74		
медиана	5			4		
мода	5			5		

	TUGA			BESMRTNOST		
Буквальный перевод	грусть			бессмертие		
Результаты (перечисленные)	1 (7), 2 (10)	3 (16)	4 (8); 5 (13)	1 (7); 2 (5)	3 (8)	4 (5); 5 (29)
	31,48%	29,63%	38,89%	22,22%	14,81%	62,96%

среднее	3,19	3,81
медиана	3	5
мода	3	5

	NEPOZNATO			DUBOKO		
Буквальный перевод	незнакомое, странное			глубокое		
Результаты (перечисленные)	1 (5); 2 (5)	3 (13)	4 (8); 5 (23)	1 (3); 2 (3)	3 (7)	4 (7); 5 (34)
	18,52%	24,07%	57,41%	11,11%	12,96%	75,93%
среднее	3,72			4,22		
медиана	4			5		
мода	5			5		

3. Направленные ассоциации

DUŠA i _____ (tko, što)

tijelo **31**; srce **11**; duh **2**; buša, čovjek, divna osoba, gubitak, ljudi, med, on, svemir, svjesnost **1 (53 + 12 + 0 + 9)**

(kakva) _____ DUŠA

dobra **25**; velika **5**; čista **3**; bogata, lijepa, mirna, sretna, vječna **2**; besmrtna, bijela, iskrena, jedna, ljudska, moja, nesretna, prekrasna, sitna, slatka, slomljena, srce, stara, tirkizna **1 (57 + 22 + 0 + 14)**

→ 2 многократных ответа: dobra, lijepa + dobra, mirna, lijepa

_____ **DUŠU (upisati glagol)**

imati **11**; prodati **5**; osjetiti **4**; imam, ispustiti, voljeti, znati u **2**; bode u, brinuti se za, čuvati, dati, dirati u, dobru, griješiti, iscjeljujem, isplakati, izdahnuti, izgubiti, očistiti, odmoriti, ogoliti, ogriješiti, opustiti, osjetim, otvori mi, pokazujem, prljati, raniti, spoznati, taknuti, tražiti, vidim, vidjeti, zavoljeti nečiju **1 (55 + 34 + 0 + 27)**

→ один множественный ответ: pokazujem, vidim

DUŠA _____ (radi što)

boli, živi **5**; postoji **4**; leti, liječi, pjeva, plače, putuje **2**; cijeli, cvate, čini čovjeka, daje život, diše, je bit, luta, mi plače, nastavlja živjeti dalje, obogaćuje, oprašta, osjeća, otkriva, pati, pluta, počiva, postoji, preostaje nakon smrti, prevladava, razumije, se čisti, se smije, sluša, upravlja osobom, tuguje, umire, vene, voli, zna **1 (52 + 37 + 2 + 29)**

U DUŠI _____ (je što?)

mir **10**; ljubav **6**; dobar, spas, život **4**; bol, osjećaji **3**; dobrota, istina **2**; bit, čovjek, imam ljubav, je zapisano, naša ponašanja, nemir, obitelj, odgovor, pusto, smisao, sreća, umirem, živim **1 (51 + 22 + 3 + 13)**

Na DUŠI _____ (je što?)

teret **8**; kamen **6**; grijeh **4**; je sve, netko, rana **3**; si mi **2**; bol, istina, je netko koga povrijediš, je red, je težina, jesu stvari za kojima žalimo, krivnja, križ, mekoća, oblak, odgovornost, osoba, ostaju iskustva, počiva, savijest, sreća, su brige, ti je netko, tijelo, zauvijek, život, zločin **1 (51 + 29 + 4 + 22)**

3. Есть ли что-то еще, что вы ассоциируете с душой, а что не приведено в данном анкете?

Свободные ответы:

duhovnost **2**; bog, čini nas čovjekom; čovjek; duhove; druge dimenzije; duša kao dobrota, kao duša od čovjeka; duša kao filozofski koncept; patnja; raj; suosjećanje i razumijevanje prema ljudskoj vrsti; život poslije smrti (**15 + 14 + 39 + 13**)

Ассоциативное поле	Реакции
Религиозные и духовные представления	duhovnost 2 ; bog, druge dimenzije, duhovi, patnja, raj, život poslije smrti
Философские представления	čini nas čovjekom, čovjek, duša kao filozofski koncept
Фразеология	duša kao dobrota, kao duša od čovjeka
Душа как моральный центр человека	suosjećanje i razumijevanje prema ljudskoj vrsti

8. Sažetak

Tema je ovoga diplomskog rada usporedba koncepata „MEDVJED”, „KRUH” i „DUŠA” u hrvatskom i ruskom jeziku. Izabrani koncepti sadrže mnogobrojna simbolička, metaforička i frazeološka značenja, što ukazuje na njihovu važnost u navedenim jezicima i kulturama i čini ih osobito zanimljivim predmetom istraživanja u lingvokulturologiji. Lingvokulturologija, kao lingvistička disciplina koja se bavi međuodnosom kulture, jezika i čovjeka, iznimno je prikladna za istraživanje i definiranje jezično-kulturnih osobitosti. To se posebno odnosi na kulturne koncepte, misaone jedinice koje se sastoje od konceptualnih i kulturnih značenja, a ključna im je karakteristika vrijednosna markiranost. Kulturni koncepti dio su jezične slike svijeta svakoga pojedinog jezika koja se sastoji od različitih kulturnih i enciklopedijskih znanja izraženih u jezičnim jedinicama, a pomoću koje govornici interpretiraju svijet oko sebe. Cilj je ovoga rada pomoću lingvokulturoloških metoda dubinski istražiti značenja navedenih kulturnih koncepata, provjeriti kako se ta značenja odražavaju u svijesti govornika obaju jezika te naposljetku ustanoviti koje su sličnosti i razlike jezičnih slika svijeta hrvatskoga i ruskoga jezika kad se radi o navedenim kulturnim konceptima.

Ključne riječi: lingvokulturologija, jezična slika svijeta, kulturni koncepti, medvjed, kruh, duša

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, культурные концепты, медведь, хлеб, душа

9. Životopis

Marija Bakula rođena je 1995. u Zagrebu gdje je 2013. i maturirala. Nakon mature upisala je preddiplomski studij na Arhitektonskom fakultetu u Zagrebu, a godine 2016. započela je dvopredmetni studij anglistike i ruskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu u Zagrebu. Godine 2021. obranila je završni rad „Vječna ženstvenost u stvaralaštvu Marine Cvetaeve” pod mentorstvom doc.dr.sc. Danijele Lugarić-Vukas te tako stekla prvostupničku diplomu, a u lipnju 2023. završila je prevoditeljski smjer diplomskog studija anglistike. U budućnosti se planira nastaviti baviti prevoditeljskim radom.